Проф. В. М. Хвостов.

ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ.

УЧЕНИЕ

о закономерности общественных процессов.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ ОЧЕРК.

---

*

БИБЛИОТЕКА
МОГАНИКИ
Инв. № 11040

МОСКВА.
Государственная тип., Петровка, 38.
1920 г.

[illegible] 1955



HM
51

499
38

ПРЕДИСЛОВИЕ.

На русском языке имеется довольно обширная литература по социологии, не столько оригинальная, сколько переводная. Но среди этих книг мало таких, которые ставили бы себе задачей дать изложение популярное, доступное малоподготовленному читателю. Между тем потребность в таких руководствах очень велика, так как интерес к социологическим вопросам возрастает. Предлагаемый элементарный очерк предназначен к тому, чтобы хоть сколько нибудь пополнить этот пробел. Автор прекрасно сознает всю трудность поставленной задачи. Социология есть одна из основных наук и потому отличается большой отвлеченностью. Излагать ее основы в популярной форме поэтому очень трудно. Затем, это наука еще очень молодая и не установившаяся окончательно. В современной социологии имеется целый ряд научных направлений, сторонники которых в значительной степени разногласят между собой. Представить в элементарном и кратком очерке все богатство этих направлений немыслимо. Эту задачу автор пытался разрешить в другой своей книге (Социология. Введение. Ч. I. Исторический очерк учений об обществе. 1917). В настоящем же очерке он только старался быть по возможности об'ективным и представить основные очертания социологических принципов по возможности всесторонне. Наконец, не установилось даже окончательного решения о том, какие именно вопросы составляют центральный пункт самой социологии, как называть отдельные части этой довольно сложной науки. Автор держится того мнения, что под социологией в тесном смысле этого слова следует разуметь только учение о природе общества и об основной закономерности общественных явлений. Что же касается учения о типических формах развития разных общественных союзов, каковы: семья, государство, и разных продуктов общественной деятельности, каковы: язык, религия, право, то автор считал бы правильным

этой части науки, которая занимается исследованием уже более сложных проблем и в изложении предполагает знакомство с первой категорией учений, дать имя социальной типологии. В настоящий очерк включены поэтому только проблемы основной социологии.[1])

По своему изложению очерк расчитан на читателя, не обладающего систематической подготовкой в области общественных наук; конечно, для очень молодого или слишком мало сведущего читателя изложение все же может показаться трудным, но едва ли можно, не жертвуя точностью и научностью языка, сделать его легче в столь отвлеченной области. Во всяком случае большой беды в некоторой трудности языка автор не видит. Серьезные занятия наукой неминуемо сопряжены с напряжением сил и чрезмерное облегчение труда читателя может быть достигнуто лишь такими средствами, которые внушат ему неправильное представление о характере тех проблем, которыми он занимается; самые проблемы эти рискуют быть представлены в слишком упрощенном виде.

В конце книжки приложен краткий указатель литературы. Само собою, что автор при его составлении не только не претендовал на какую либо полноту, но даже и на то, чтобы указать все наиболее ценные пособия. Он хотел только дать возможность читателю от предлагаемой книги постепенно перейти к более глубокому изучению социологии, истории социологических учений и социальной типологии и выбирал изложения, наиболее просто написанные и наиболее об'ективного характера по разным вопросам названных дисциплин. В указанных пособиях читатель найдет и более подробную библиографию.

Москва, 27 марта 1919 г.

[1]) Более подробное и глубокое развитие положений, защищаемых в настоящей книжке популярного характера, автор дает во II томе своей „Социологии", который вполне приготовлен к печати и только по чисто техническим затруднениям переживаемого момента не мог еще выйти в свет.

СОДЕРЖАНИЕ.

Глава I. Что такое общество?

Сомнения в реальности общества. Особые свойства общества. Особые продукты общественного творчества. Общество, как реальность духовного порядка. Отличительные особенности духовных процессов. Общество, как процесс духовного общения. Социальная закономерность. Предмет социологической науки. 1

Глава II. Общежительная природа человека.

Отличия человека от низших животных. Связь членораздельной речи с абстрактным мышлением. Общественное состояние, как условие появления и сохранения разумности. Общества животных. Социальный инстинкт. Силы, об'единяющие и раз'единяющие людей. Война и конкуренция. Границы общения; потребность в одиночестве. Подсознательная психика. Привычки и общественные традиции. . . . 9

Глава III. Физический механизм духовного взаимодействия людей.

Замкнутость психик. Суждения о содержании чужой психики. Средства общения. Язык. Письменность. Технические усовершенствования средств общения. Книгопечатание. Физическая сторона общества. Общества с определенной территорией. Статическое и динамическое значение территории. Пустые места. Социологическое значение различных внешних чувств. 20

Глава IV. Человеческие расы.

Различная историческая судьба народов. Одинаковы ли люди по своей природе? Сторонники расового неравенства. Различные классификации человеческих рас. Недостаточная выясненность этого вопроса в антропологии. Женский вопрос. Лингвистические группы. Национальности 26

Глава V. Географическая среда.

История вопроса в науке. Обзор всемирной истории с точки зрения влияния внешней среды. Распределение суши и моря: географические гомологии. Прямое влияние климата. Непрямые влияния географической обстановки. Географическое положение страны. Расположение речных бассейнов. Береговая линия. Горы. Степь. Воздействие людей на внешнюю природу. Материальная культура. Связь человека с физическим миром. Переселения. Устойчивость человеческих типов. 33

Глава VI. Движение населения.

Уменьшение и увеличение населения. Качественные отличия большой человеческой группы. Борьба за существование. Борьба с органической природой. Борьба в пределах отдельного общества. Борьба между общественными группами. Разделение труда, как последствие увеличивающейся густоты населения. Социальные последствия разделения труда. Кастовое и сословное общество. Развитие сознающей себя личности, демократизма и эгалитаризма. Последствия редкости населения. Вялый общественный процесс и его характерные особенности. 40

Глава VII. Общественная традиция.

Понятие о традиции. Процесс ее образования. Императивность традиции. Отличие традиции от инстинкта. Польза традиции. Вред ее. Традиция в разных областях общественной жизни. Традиция в разные исторические эпохи и в разных классах общества. Значение больших городов. . . . 48

Глава VIII. Идеи и изобретения.

Критическая работа человеческой мысли. Потребность в изобретениях. Массовое творчество. Творческая личность. Подражание, как средство обращения идеи в социальную силу. Порог общественного сознания. Борьба новой идеи с традицией. Компромисс с традицией. Поединки идей. Общественный идеал. Фанатизм. Гетерогония целей и ее причины 55

Глава IX. Дух времени.

Общественное сознание. Отношение личного сознания к общественному. Великие люди и их зависимость от об-

щественной среды. Дух времени. Consensus Конта и закон исторических соотношений Вундта. Закон исторических контрастов. Исторические переживания. Усвоение общественного сознания отдельными членами общества. Появление индивидуальных различий. Классовые противоречия. Общественное мнение и процесс его формирования. Значение об'единяющих лозунгов и вождей 62

Глава X. Виды общественных союзов.

Устойчивые общественные образования или союзы. Каузально и финально возникающие союзы. Группы и классы. Организации. Соотношения общественных союзов. Вхождение групп друг в друга. Координация классов. Классовая солидарность и классовый антагонизм и борьба . . 69

Глава XI. Общественная культура.

Независящие от человеческой воли общественные процессы. Цели общественной культуры. Социальная справедливость. Необщественная общественность людей, как источник идеи справедливости. Борьба личности и общества; борьба классов. Средства для реализации идеала справедливости. Воспитание отдельных людей. Общественные реформы. Идеал социалистов. Значение здоровых общественных традиций. Бессилие законов, не опирающихся на общественные навыки. Социологическая наука, как основа рациональной политики. 76

Глава XII. Метод социологии.

Зарождение социологической науки. Основные направления современной социологии. Законы и типы. Основная социология и социальная типология. Дедукция и индукция. Практическое значение типов. Сочетание дедукции и индукции. Гипотеза. Собирание фактического материала. Исторический материал. Этнографические данные. Непосредственное наблюдение и анкета. Социологические лаборатории. Социологический эксперимент 83

Литературные указания 91

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Опыт характеристики понятий aequitas и aequum Jus в римской классической юриспруденции. М. 1895 г. Ц. 2 р.

Натуральные обязательства по римскому праву. М. 1908 г. Ц 2 р. 50 к.

Новый труд по римской традиции. М. 1902 г. (Уч. Зап. Моск. Универ., вып. 20).

Система римского права. I. Общая часть. Изд. 4-е. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к. II. Вещное право. Изд. 3-е. 1908 г. Ц. 1 р. IV. Семейное право. V. Наследственное право. Изд. 3-е. 1909 г. Ц 1 р.

История римского права. Изд. 6-е. М. 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Общая теория права Изд. 6-е. М. 1914 г. Ц. 1 р.

Очерк истории этических учений. Изд. 2-е. 1913 г. Ц. 2 р.

Общественное мнение и политические партии. М. 1906 г. Ц. 15 к.

Значение и права народного представительства. Изд. 2-е. М. 1917 г. Ц. 20 к.

Избирательное право. М. 1906 г. Ц. 8 к.

Женщина накануне новой эпохи. Изд. Н. Д. Путиловой. М. 1905 г. Ц. 30 к.

Психология женщин. О равноправии женщин. Доход от продажи этой брошюры поступает в пользу недостаточных слушательниц Московских Высших Женских Курсов. Склад в конторе журнала „Вопросы философии и психологии". М. 1911 г. Ц. 50 к.

Женщина и человеческое достоинство. Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева. М. 1914 г. Ц 3 р.

Участие женщины в умственной культуре человечества. М. 1914 г. Ц. 30 к.

Женщина в обновленной культуре. Изд. преп. Моск. Ун-та. М. 1917 г. Ц. 40 к.

Социология. Введение. Ч. I. Исторический очерк учений об обществе. Изд. Московского Научного Института. М. 1917 г. Ц 8 р.

Этюды по современной этике. Изд Сытина. М. 1908 г. Ц 1 р.

Нравственная личность и общество. Изд. Клочкова. М. 1911 г. Ц. 1 р. 35 к.

Этика человеческого достоинства. М. 1912 г. Склад издания в конторе журнала „Вопросы философии и психологии". Ц 1 р.

Этика Матерлинка. М. 1913 г. Ц. 75 к. Склад издания в конторе журнала „Вопросы философии и психологии".

Им. Кант. Основоположение к метафизике нравов. Перевод Л. Д. Б. под редакцией **В. М. Хвостова.** Труды Московского Психологического Общества, вып. VII. М. 1911 г. Ц 70 к.

Теория исторического процесса. Изд. 3-е Моск. Научн. Издат. М. 1919 г. Ц. 20 р.

ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ.

Учение о закономерности общественных процессов.

Глава I. Что такое общество?

Мы постоянно говорим об обществе, как об особой единице, представляем себе общество, как что-то вроде живого существа, которое может мыслить, чувствовать, действовать. На каждом шагу мы слышим фразы, вроде следующих. „Общество возбуждено" „общество охвачено революционным порывом", „общество устало, наступила апатия", общественное мнение осуждает этот поступок" „общество преклоняется перед этим героем", „общественная власть отдала распоряжение", „общественная власть заключила это лицо в тюрьму". Возникает вопрос: как следует понимать все подобные выражения? Точно ли общество может быть возбужденным или усталым: действительно ли существует общественное мнение, которое может осуждать или одобрять что-либо: как смотреть на то, что называется общественной властью? Очень часто от людей, мало думавших над подобными вопросами, приходится слышать резко отрицательный ответ по этому поводу. Обыкновенно эти люди говорят, что на самом деле никакого общества, как особого предмета, не существует. Есть отдельные люди, эти люди мыслят, чувствуют, действуют, собираются группами, но в подобных группах мы никого, кроме этих людей, не видим; здесь нет „общества", как чего-то независимого от отдельных людей, отличного от простой их суммы. Рассуждая таким образом, человек приходит к заключению, что общественное мнение, общественная власть,—это только своеобразные изречения, употребляемые для сокращенного обозначения деятельности отдельных людей; ни на какую особую реальность эти изречения не указывают. Если мы говорим о раздражении или усталости общества, то на самом деле следует думать о том, что раздражены и устали отдельные люди, но только в большом количестве. Если мы рассуждаем об отношении общественного мнения к тому или иному факту, то и в этом случае на самом деле речь идет только о совпадении во мнениях многих отдельных людей. Точно также и обще-

ственная власть сводится в действительности к поступкам тех людей, которых мы называем ее органами. Не власть сажает меня в тюрьму, а тот полицейский, который для этого за мной приходит и передает под охрану тюремщиков. Единственной реальностью оказывается отдельный человек. Что же касается общества. то его называют созданием нашей мысли и воображения. О нем говорят, как об абстракции; находятся даже такие ученые, которые об'являют, напр., государственную власть и ее веления просто„ фантазмами", созданием воображения отдельных людей; люди просто своим личным переживаниям придают в этой форме какое-то будто бы об'ективное, от них независящее бытие. .

Как ни естественными представляются на первый взгляд такие утверждения, что единственной реальностью является отдельный человек и что помимо отдельных людей, собравшихся вместе, мы ни о каком еще обществе, как об особой реальности, говорить не можем, но со всем этим мы согласиться не можем. Можно привести целый ряд соображений и наблюдений, которые говорят против подобного отношения к обществу. Наблюдение показывает, что масса собравшихся вместе людей вовсе не представляет из себя простой суммы этих людей. Если бы это было так, то свойства этой массы также сводились бы просто к суммированию тех свойств, которыми наделены ее участники каждый в отдельности. Между тем факты показывают нам, что у массы, у толпы в данном случае, есть такие свойства, которые только ей принадлежат, которые только в ней возникают, которые не появлялись бы у отдельных людей, если бы они не находились в толпе. Опыт показывает, что люди, собравшиеся в густой толпе, легко возбуждаются; если толпа охвачена каким либо общим настроением, то ее возбуждение быстро растет и может достигнуть величайшего напряжения. Разбушевавшаяся толпа не помнит себя; ее участники способны совершать ужасные по своему зверству поступки; во время французской революции бывали случаи, что участники толпы не только растерзывали свои жертвы, но даже жарили убитых ими людей и с'едали их. Выйдя из толпы и опомнившись, отдельный человек часто не может даже понять, как он мог совершить подобные поступки. Уголовные суды считаются с такими обстоятельствами и смотрят на пребывание преступника в толпе, как на обстоятельство уменьшающее вменяемость и ответственность за преступление: толпа увлекает за собой человека, она тащит его какой-то неотразимой силой в таком направлении, в котором он, действуя в одиночку, не пошел бы. Если в густо наполненном публикой театре кто-нибудь крикнет: „пожар", то начинается страшная паника; люди, потеряв голову, бросаются

с мест, происходит давка и беспорядок, в результате которых люди не находят выходов, загромождают найденные и массами погибают. Если бы в театре было мало людей, то можно ручаться за то, что ничего подобного не произошло бы; немногим людям не только физически легче было бы выйти из охваченного огнем здания, но они не так потерялись бы, между ними не возникло бы того страха и ужаса, который специально именуется „паническим" и характерен для толпы людей.

Все подобного рода наблюдения доказывают нам, что толпа людей вовсе не есть простая сумма своих участников. Мы видим что в ней развиваются такие процессы, для развития которых необходима именно наличность толпы. В толпе есть свои собственные свойства, которые мы не можем назвать свойствами отдельных ее членов. Поэтому мы имеем полное право утверждать, что толпа живет своей особой жизнью, что она действует и воздействует на своих участников. Последние, под влиянием толпы, ведут себя не так, как они вели бы себя, действуя в одиночку. Можно ли при таких условиях говорить, что толпа не реальна, что реальны только отдельные люди, в нее входящие, самая же толпа есть просто сумма этих людей, но не особое единство? Ведь мы признали, что толпа воздействует на своих членов и, возбудив их в известном направлении, заставляет их совершать известные поступки; в этих поступках мы усматриваем действие самой толпы; мы говорим: „толпа растерзала свою жертву, она наслаждалась ее мучениями и т. п." Но как же может быть не действительно то, что действует и воздействует? Один из крупнейших философов нашего времени выставляет общее положение, что то, что действует, реально; чем больше действенности, тем больше реальности. Толпа не только реальное существо, но она сильнее, чем отдельный человек: она увлекает за собой отдельных людей и заставляет их делать то, чего они в одиночку не сделали бы.

Таким образом, общество людей имеет свои особые свойства, как мы в этом убедились на примере толпы. Можно пойти дальше и утверждать, что общество создает и свои особые продукты, творит то, чего не может создать отдельный человек. Лучшим примером такого продукта общественной деятельности является язык, на которым мы все говорим и при помощи которого понимаем друг друга. Кто создал язык? Его не выдумали отдельные люди. Современная наука не об'ясняет себе происхождения языка ни тем, что он самим богом внушен человеческому роду, ни тем, что различные языки выдумывались отдельными изобретателями, которые затем обучили им своих товарищей. Язык развился именно в процессе человеческого общения, как естественный продукт массового творчества. Люди делают жесты ру-

ками и ногами, они произносят разнообразные звуки; эти жесты и звуки сопровождают собой различные события в жизни людей. Они служат для призыва на помощь, для предостережения от опасности, для подражания звукам, слышимым в окружающем мире, напр., пению птиц, рычанию хищных животных, они ритмически сопутствуют в виде напеваемой песенки работе, которую совершают люди. В одинаковых случаях люди издают более или менее одинаковые звуки, так как люди устроены в общем одинаково и поэтому сравнительно однообразно отзываются на всякие события своей жизни. Понемногу известного рода жесты или звуки прочно соединяются с каким-нибудь одним переживанием и начинают служить для его обозначения. Так, звук, которым призывают на помощь, начинает всеми пониматься именно в этом смысле; ритмический припев, которым сопровождается какая нибудь-работа, начинает обозначать собой самую эту работу или инструмент, которым она производится. Таким путем возникает всем понятный язык, состоящий частью из слов, частью из других жестов. Кто его выдумал? Все и никто. В таких процессах все члены общества одновременно бывают и изобретателями и подражателями. То, что сделает один, повторяется другим; но при этом подражатель может внести от себя какое-нибудь изменение. С разных сторон возникают изобретения, стремящиеся разными способами удовлетворить одной и той же потребности. Один означает работу или выражает чувство одним путем, другой по другому. Все эти изобретения сталкиваются между собой. В конце концов, какое-нибудь из них получит успех, вытеснит другие и получит общее признание, вернее, войдет во всеобщее употребление. Так появляются всем понятные слова и выражения языка, на котором говорит данное общество. Язык оказывается продуктом массового творчества. Он не выдуман отдельными людьми, но создан обществом, как особым целым. К этому следует добавить, что если бы не было общества, если бы люди жили в одиночку, то язык и вообще не появился бы, так как он тогда ни к чему не был бы нужен. Язык необходим, как средство общения людей между собой. Не было бы общения, не возник бы и язык. И в этом отношении язык представляет собой продукт общества.

Все эти рассуждения убедили нас в том, что общество обладает своими особыми свойствами, которые нельзя рассматривать, как свойства отдельных его участников, потому что они проявляются только тогда, когда люди действуют в обществе, а не в одиночку, и именно под влиянием того, что они действуют в обществе. Сверх того, общество создает свои собственные продукты, которые не могут быть названы произведениями отдельных людей. Язык выработан совместною деятельностью многих

людей и многих сменяющих друг друга поколений. Можно ли открыть, что именно внесено в него отдельными людьми? Были здесь, конечно отдельные изобретатели, но их роль была так ничтожна, напротив, такое огромное значение имел процесс усвоения языка целыми массами людей, что мы должны говорить о языке, как о продукте массового, общественного творчества. Но разве то, что обладает особыми свойствами и создает свои особые продукты, не должно быть рассматриваемо, как особого рода реальность, как особое единство, как особый предмет? Не обязаны ли мы признать этим самым, что общество есть реально существующее и действующее единство, не представляющее собой простой арифметической суммы своих участников?

Тут возникает однако опять старый, неотвязный вопрос: как же мы будем говорить об обществе, как об особом предмете, когда мы его не видим? Если соберутся люди в толпу, то мы видим по прежнему отдельных людей, но мы не видим еще толпы, как особого предмета.

Чтобы покончить с такими сомнениями, следует раз на всегда отказаться от обычного предразсудка, будто реально существует только то, что мы можем видеть, осязать, обонять или слышать. На самом деле это далеко не так. Мы не сомневаемся в реальности дома или дерева, которые находятся перед нами и на которые мы смотрим. Мы видим эти предметы, стало быть, они существуют. Но следует признать, что есть реальность гораздо более к нам близкая и гораздо более непосредственно нам известная, чем все окружающие нас предметы, которые мы можем видеть и осязать, хотя эта реальность невидима, неслышима и неосязаема. Мы видим дом и не сомневаемся в его реальности именно потому, что мы его видим. Но что же сказать о самом факте нашего видения, о том обстоятельстве, что мы этот дом видим? Реально ли самое наше видение дома? Как будто реальности его отрицать невозможно: если бы мы не видели на самом деле дома, то и дом для нас не существовал бы. А можем ли мы видеть наше видение, слышать наше слышание, осязать наше осязание, обонять наше обоняние? Ясно, что нет. Таким образом, самый факт видения реально существует, хотя мы его не видим, существует слышание, хотя мы его не слышим, осязание, хотя мы его самого не осязаем. Реально не то только, о чем нас уведомляют наши т. наз. внешние чувства; реальны, прежде всего, сами эти внешние чувства, хотя они составляют реальность невидимую, неслышимую, неосязаемую, недоступную обонянию. Наши внешние чувства или, точнее, доставляемые ими ощущения, относятся к области того, что мы называем духовными переживаниями, психическими явлениями и что мы противо-

полагаем в качестве особого мира окружающим нас предметам в пространстве, физическому миру. Духовный мир состоит из ощущений, представлений, чувствований, мыслей, волевых решений. Все это протекает во времени, но не занимает никакого пространства. Мы не можем сказать, что мысли наши находятся в мозгу. В какой сильный микроскоп мы ни рассматривали бы мозг, мы там не видели бы мыслей, как особых вещиц; если бы мы химическим путем разложили мозг на его элементы, то не нашли бы в реторте мыслей или чувств. Все эти духовные процессы протекают при содействии процессов телесных, но они с ними не совпадают. Жизнь тела идет параллельно с духовными переживаниями, но ни тело из духовных процессов выводить нельзя, ни духовные процессы из телесных. Дело в том, что тело наше есть предмет в пространстве, который может менять свое место, двигаться. Мысли же, чувства или ощущения не представляют собой таких физических вещей, помещенных в пространстве. На них следует смотреть как на процессы, протекающие во времени, но не занимающие пространства. Непространственное не может быть выводимо из пространственного, протяженного. Приходится признать, что в природе существует известный дуализм физического и духовного, что реальность не исчерпывается только протяженными предметами, находящимися в пространстве; в нее входят духовные процессы, совершающиеся во времени, но не занимающие пространства. Эти духовные процессы и составляют ту реальность, которая сама невидима, неслышима и неосязаема, напротив включает в себе самое видение, слышание и осязание, т. е. те самые чувства, при помощи которых мы только и знакомимся с реальностью физических предметов, которые мы видим, осязаем, слышим.

Вот с этой то точки зрения мы и можем понять, в каком смысле можно говорить об обществе, как об особом единстве, помимо тех людей, которые его составляют. Чтобы это понять, следует только заменить слово общество другим, более подходящим к существу дела. Если вы поставите себе вопрос: существует ли толпа, как общество, независимо от тех отдельных людей, которые в нее входят, то, прежде чем отвечать на этот вопрос, замените слово „общество“ словом „общение“. Тогда вы вынуждены будете дать на поставленный вопрос ответ не отрицательный, а утвердительный. Вы скажете: да, толпа, как процесс общения людей, существует, и о ней можно говорить, как о чем-то особом от отдельных ея участников. Процесс общения составляет самую сущность того предмета, который мы именуем толпой. Этот процесс и увлекает за собой отдельных участников толпы. В нем-то и проявляются те осо-

бые свойства, которые мы называем свойствами толпы и которые заставляют делать отдельных людей то, к чему они в одиночку неспособны. Точно также и язык мы называем общественным продуктом, потому что он сложился в процессе общения массы людей, причем эти люди друг на друга воздействовали и совместными усилиями создали то, чего никак не могли бы создать в одиночку и в чем их личное творчество осталось совершенно незаметным.

В этом смысле и следует решать вопрос о реальности общества. Общество не есть какое-нибудь физическое тело в пространстве, подобное телу отдельного человека; общества нельзя ни видеть, ни осязать. Но общество есть вполне реальный процесс общения, происходящего между отдельными людьми. Это общение состоит в том, что люди обмениваются мыслями, заражаются друг от друга чувствами, принимают общие решения и начинают совместно, целыми массами действовать в известном направлении. Духовное взаимодействие между людьми составляет то, что мы называем общественною жизнью. Этой жизни присущи, как мы убедились, особые свойства. Она создает и свои особые продукты. Поэтому она может и должна составлять предмет особого изучения. В этом смысле общество, несомненно, реально. Его можно определить, как процесс духовного взаимодействия людей, обладающий своими свойствами и подлежащий действию своих собственных законов, законов общественной жизни или общественных процессов. Наука, которая изучает общество, свойства общества и процессы, составляющие жизнь общества, называется наукой об обществе или социологией.

Перед нами собрание людей, жадно слушающее популярного оратора. Оратор развивает перед ним свои соображения. Слушатели постепенно проникаются его доводами и усваивают себе его чувства. Оратор негодует на какое-нибудь событие или осуждает какое-нибудь лицо. И вот постепенно настроение слушателей подогревается. Они начинают выражать свое негодование нетерпеливыми и угрожающими жестами и возгласами. Некоторые из них вскакивают с места и начинают грозить кулаками невидимому врагу. Раздаются призывы к действию. Толпа понемногу оживляется, начинается общий говор и крики. Наконец, толпа, увлеченная своими вожаками, устремляется из места своего собрания на поиски намеченной жертвы, того лица, которое навлекло на себя гнев собравшихся людей. Толпа настигает свою жертву. Обезумевшие от гнева люди вытаскивают ее, начинают бить, забивают на смерть, наслаждаясь мучениями жертвы, и даже после смерти долго еще издеваются над трупом, раздевают его, отрубают голову, втыкают ее на пику и с торжеством носят по городу. Затем

постепенно настроение падает, люди начинают расходиться по домам и успокаиваются. На другой день многие из них с ужасом вспоминают о происшедшем и не узнают сами себя. Они сознают, что ничего подобного не совершили бы, если бы не находились в возбужденной толпе.

Другое собрание. Оно занято деловым и спокойным обсуждением какого-либо важного вопроса. Вносится проект мотивированной резолюции. По поводу этого проекта делаются замечания, предлагаются другие проекты, отдельные изменения и поправки. По обсуждении вопроса по существу, ставится на голоса принципиальное решение. Принятая большинством голосов линия поведения считается обязательной для всего собрания; все его участники должны ей подчиниться. Затем голосуется резолюция, отвечающая по содержанию принятому принципиальному решению. Предварительно голосуются поправки, затем ставится на голоса резолюция в целом. Часто затем особой комиссии поручается придать резолюции с поправками окончательную грамматическую и стилистическую редакцию и резолюция в окончательном виде принимается большинством голосов или даже единогласно.

Третий пример. Перед многолюдной аудиторией любимый профессор читает лекцию, содержание которой увлекает слушателей. На всех лицах написано напряженное внимание. Сам лектор поддается общему настроению и реагирует на него тем, что с особым увлечением излагает излюбленную тему, доказывает дорогие для него тезисы. Лектор сознает, что он не мог бы читать свою лекцию с таким под'емом, если бы его не окружала такая многочисленная и внимательная аудитория. Да и слушатели, если разберутся в своих переживаниях, сознаются, что они были охвачены каким-то особым чувством страшно напряженного внимания и интереса. Лектор не мог бы так читать свою лекцию перед пустыми стенами своего кабинета; слушатели не испытали бы чувства почти что экстатического внимания, которым охвачены были в аудитории, если-бы просто сидели дома над книгой, излагающей те же самые мысли.

Можно ли отрицать в этих случаях реальность общества и общественных процессов? Ведь ясно, что агитатор и увлеченная им толпа подлежат совершенно особой закономерности, которая не изучается психологической наукой, но выходит за пределы психологии отдельного человека. Ясно, что принятая собранием резолюция не может быть рассматриваема, как продукт индивидуального творчества того или иного лица: ведь в нее внесено много поправок, она окончательно редактирована целой комиссией, отдельные ея элементы включены в нее, только потому, что за них высказалось большинство участников

собрания, да и вся она получила обязательную силу лишь в результате голосования. Все эти процессы также не изучаются в психологии, так как выходят за пределы ведения этой науки; а между тем изучать их следует, так как им присущи свои особенности, с которыми постоянно приходится считаться тем лицам, которыя хотят воздействовать на собрание или руководить его ходом. И то, что происходит в аудитории, имеет все признаки общественного процесса. В этом смысле мы и можем сказать, что возбужденная толпа есть особая реальность, особый предмет рассмотрения, который нельзя свести к простой сумме отдельных людей, принимающих в ней участие; особую реальность составляет и обсуждающее какой-нибудь вопрос и принимающее решение деловое собрание; особую реальность составляет и внимательная аудитория. Войдя в аудиторию, мы не видим ничего, кроме тел отдельных людей. Но это не значит, что самая аудитория не составляет из себя особой реальности: такой реальностью оказывается тот процесс духовного взаимодействия между лектором и его слушателями, который создает в аудитории особенное настроение, сообщающееся и лектору и отдельным слушателям, но не каждым из них в отдельности произведенное; это настроение есть продукт социального взаимодействия собравшихся людей и выработано оно в порядке не *психологической, но социологической закономерности*.

Глава II. Общежительная природа человека.

Уже Аристотель формулировал ту истину, что человек есть по самой своей природе общежительное животное. Хотя мы не имеем непосредственно дошедших до нас сведений о том, как появились на земле люди и как они жили в самые первые времена своего существования, но на основании многих косвенных данных мы можем утверждать с совершенной решительностью, что люди всегда жили обществами, что отшельнический образ жизни не согласен с природой человека. Мы можем защищать положение, что только в обществе человек сделался тем, что он представляет из себя, приобрел те свойства, которые его отличают от других животных, как существо в особенной степени разумное, и только в обществе он может сохранять и поддерживать свою разумность.

В самом деле, что отличает человека от низших животных? В духовной области отличительным признаком является способность человека к членораздельной речи и к т. наз. абстрактному мышлению. Членораздельная речь сводится к тому, что человек произносит весьма разнообразные звуки, которые комбиниру-

ются в слова и предложения. Абстрактное мышление состоит в том, что человек создает такие понятия, которые не могут быть наглядно выражены каким-нибудь представлением, но обозначаются только словами, как особого рода символами. Абстрактные понятия получаются тем путем, что человек силой своего мышления расчленяет свои переживания на отдельные элементы и затем начинает обращаться с этими элементами, как с самостоятельными понятиями, хотя бы они в действительности самостоятельного существования не имели. Так, видя перед собой предметы самых различных очертаний, человек создает особое понятие „формы" вообще, под которое подходит одинаково и форма круглая, и квадратная, и трехугольная. Форму вообще мы не можем наглядно себе представить, так как ни одна наглядная форма не будет именно формой вообще; наглядный образ должен получить очертания либо круглые, либо квадратные и т. п. Или, имея дело с различными вещами, занимающими пространство, мы создаем понятие физического „тела" вообще, которое не есть ни камень, ни растение, ни глыба земли, а вообще нечто протяженное. Благодаря таким абстракциям, человек создает научное знание. Все т. наз. законы природы суть в высшей степени абстрактные формулы, в которых мы выражаем тот неизменный порядок, которому следуют простейшие процессы природы. В действительности, процессы природы встречаются в очень сложном и запутанном виде. Силою нашей абстрактной мысли мы их расчленяем на простейшие элементы и тогда замечаем строгое единообразие в их течении. Это дает нам возможность, опираясь на знание общих законов, предсказывать последствия явлений. Основываясь на таком предвидении, мы получаем возможность и активно воздействовать на мир, преобразовывать его в духе наших интересов. Зная, что такое-то явление по законам природы непременно вызовет за собой такое-то другое, мы можем и намеренно содействовать появлению последнего: для этого нам нужно только озаботиться созданием первого, которое, как показывает наше знание, есть необходимая причина второго. Зная, что кусок руды плавится под влиянием огня, мы подкладываем огонь под этот кусок и тем приводим его в жидкое состояние; зная, что эта жидкость под влиянием охлаждения вновь застынет и примет форму того сосуда, в который она налита, мы отливаем из полученного расплавленного металла предметы, которые нам нужны. Животные неспособны к абстрактному мышлению; поэтому у них нет научного знания, нет и возможности активно перерабатывать окружающий мир. Абстрактное мышление делает из человека разумное животное и обращает его в господина окружающего мира.

Между тем, как уже указано, абстрактные понятия не могут быть выражаемы какими-нибудь наглядными образами. Мы можем с ними обращаться только при помощи слов, которыми мы их обозначаем. Мы мыслим словами. Если бы в нашем распоряжении не было слов, то мышление абстракциями психологически не было бы возможно. Таким образом, развитие абстрактного мышления шло рука об руку с развитием членораздельной речи, языка. А мы уже знаем, что язык является продуктом общения, что он появился в результате общественной жизни и не был бы ни нужен, ни возможен, если бы люди не жили в обществах. Таким образом, только в обществе человек стал животным говорящим, и только в качестве говорящего животного он сделался абстрактно мыслящим, т. е. разумным в высокой степени. Этот смысл и имеет наше утверждение, что лишь в качестве общежительного животного человек стал человеком, существом, духовно отличным от других животных и стоящим выше их. Общественность есть то состояние, которое произвело человека, как духовную величину. Люди всегда были общежительными животными и не могли быть иными.

Общественность есть и необходимое условие сохранения приобретенной человеком разумности. Длительное лишение человека возможности находиться в общении может привести к ослаблению и даже полному расстройству духовной жизни. Таковы бывают часто результаты долго продолжающегося одиночного заключения. К таким же последствиям приводят всякого рода робинзонады, т. е. пребывание человека в необитаемом месте, напр., в результате кораблекрушения. Человек, остающийся без общества, утрачивает способность к речи, его умственная деятельность ослабевает.

Из всего изложенного ясно, что общественность составляет природное свойство человека. Люди унаследовали общежительность, очевидно, от своих животных предков. Мы не знаем в точности, каковы были эти предки, так как современная наука не выяснила в точности самого процесса происхождения человека, не располагая историческими данными по этому вопросу. Но одно можно сказать с уверенностью: что предки эти были стадными животными. Это тем более вероятно, что стадность вовсе не является каким-либо исключительным явлением в мире живых существ, стоящих ниже человека.

Едва ли правильно было бы называть лес обществом растений, так как здесь не имеется самого главного признака общества — духовного взаимодействия. Поэтому не являются обществами в моих глазах и те стаи рыб, которые в солнечную погоду разгуливают по поверхности пруда или реки. Но уже несомненным обществом является стая перелетных птиц, которая

меняет теплые края на холодные или наоборот; здесь есть планомерное действие массового характера, и известная степень духовного взаимодействия, хотя бы на почве инстинкта, необходима. Еще в большей степени обществами оказываются семейные союзы птиц и некоторых млекопитающих, которые могут продолжаться довольно долго и в которых проявляется забота старших поколений о младших, доходящая иногда до самопожертвования материнская любовь, ревность и т. п. чисто социальные чувства. Травоядные животныя обыкновенно живут большими стадами, которые более обезпечивают их существование, нежели жизнь в одиночку. В этих случаях мы встречаемся уже с вожаками стада, конечно, не избираемыми, но часто сохраняющими свою первенствующую роль в стаде продолжительное время, с часовыми, выставляемыми во время отдыха стада и с иными проявлениями социального строя. Особой сложности достигает этот строй в таких обществах насекомых, как пчелиные ульи и муравейники, где проведено довольно сложное разделение труда, имеется нечто вроде общественных классов и даже зачатки собственности.

При таких условиях неудивительно, что человек принадлежит к стадным животным по природе. Жизнь в обществе оказалась полезным свойством еще для его предков и общежительный инстинкт закреплен был за ними естественным отбором. Инстинктом называется приобретенная организмом и передаваемая по наследству способность совершать известные действия, полезные для существования или отдельной особи или целого животного вида. Инстинкт действует у животных слепо, не освещаясь сознанием, но дает возможность животным выполнять иногда чрезвычайно сложные действия с необыкновенной точностью. При помощи инстинкта бобры строят свои плотины, пчелы сооружают свои ульи и соты, насекомыя заботятся о своем потомстве, которого они часто даже и никогда не увидят так как обречены на смерть раньше его появления на свет. К числу таких темных влечений и способностей принадлежит и общежительный инстинкт многих животных и человека. Он с безотчетной силой влечет наделенное им животное к общению с себе подобными. Сила общежительного инстинкта проявляется уже у маленького ребенка, который начинает жалобно плакать, когда замечает, что около него никого нет; ему становится жутко, хотя он настолько еще мал, что плодом сознательного размышления это чувство никак не может быть считаемо. Просто говорит закрепленный веками инстинкт, влекущий к общению.

Социальный инстинкт человека довольно сложен по своему содержанию и проявляется в разнообразных эмоциях, которые самопроизвольно и независимо от работы сознания возникают

у людей на почве общения. Среди этих эмоций есть такие, которые влекут людей друг к другу, но есть и такие, которые их разъединяют и которые также образовались на почве жизни въ обществе, как средство самосохранения индивида от тех нападений и опасностей, которыми ему грозит та же общественная жизнь. На почве общежительного инстинкта проявляются такие эмоции, как нежность, характерная для материнской любви к потомству, одного из самых альтруистических чувств, какие только имеются вообще, как потребность в симпатии, т.-е. в сопереживании чужих чувств, в сочуствии к чужим радостям и страданиям, как самая симпатия, т.-е. способность проникаться чужими эмоциями и до известной степени их разделять, как склонность к подражанию, т.-е. к безсознательному воспроизведению тех движений и жестов, которые исходят от рядом стоящего существа. Все эти эмоции способствуют сплочению людей в более или менее обширные общественные группы, существование в которых больше обезпечивает жизнь индивида, чем одиночество. Благодаря чувству нежности и симпатии родители воспитывают своих детей, которые в человеческом роде долго пребывают в безпомощном состоянии, но зато, ко времени вступления в самостоятельную жизнь, успевают накопить значительный запас полезных навыков и знаний. Такие же тенденции, как склонность к подражанию, к воспроизведению чужих жестов и движений, играют огромную роль в процессе взаимного понимания людей. Человеку свойственна склонность подражать чужим движениям совершенно безотчетно и безсознательно. В особенно чистом виде проявляется эта склонность у некоторых животных, напр., у обезьян, и у маленьких детей, которые „обез'яничают" поведение взрослых. Тот, кто подражает, воспроизводит только внешние движения своего образца; но с этим связано известное сопереживание и тех душевных состояний, которые вызвали у предмета подражания жесты и движения, служащие для копирования. Так люди и начинают понимать друг друга; они начинают связывать с определенными жестами переживание определенных духовных состояний и жесты становятся, благодаря этому, средствами сообщения друг другу об этих состояниях. Степень понимания людей зависит от степени их склонности к подражанию. Подражание бывает самопроизвольное, когда его инициатива исходит от самого подражающего. Но оно может быть вызвано и тем лицом, которому подражают; тогда мы имеем дело со внушением, исходящим от этого лица. Внушение может быть прямым, когда в нем содержится нечто подобное приказанию совершить известный поступок; оно может быть и непрямым, когда достигается косвенным давлением на другое лицо, наводящим его на необходимость

совершить тот или иной внушаемый ему акт. Внушающее лицо обладает известной властью над внушаемым. На этом покоится такое явление в человеческих обществах, как престиж: известное лицо окружено в глазах других каким-то ореолом, который делает его предметом особого внимания и послушания. Престиж покоится либо на личных свойствах индивида, на его особой даровитости или властности, или же бывает результатом особо видного положения, которое оно заняло в обществе, независимо от своих личных талантов; таков престиж наследственного монарха.

Но в обществе действуют не только силы, об'единяющие людей. Большое значение здесь получают и такие эмоции, которые отталкивают людей друг от друга, раз'единяют их. Эти эмоции получили также инстинктивный характер, так как постепенно внедрились в организм благодаря вековому действию отбора. Они также оказались полезными в борьбе за существование. Сюда относятся такие эмоции, как страх или отвращение, побуждающие бежать от опасного предмета, как гнев, побуждающий на него нападать для его уничтожения или устранения, как самоутверждение и наклонность к властвованию над другими, как ревность и зависть, как стыдливость. Все подобные эмоции заставляют людей остерегаться друг друга, относиться друг к другу с недоверием, нападать друг на друга и подчинять других своей власти насильственным путем. Из этого источника проистекают такие общественные явления, как ссоры, войны, конкуренция. Разница между войной и конкуренцией состоит в том, что война является прямым нападением друг на друга соперников в борьбе за существование. Конкуренция же сводится к тому, что два соперника, не нападая прямо друг на друга, гонятся за каким либо одним и тем же предметом; тот, кто одержит верх в этой погоне, может тем самым лишить своего соперника возможности существовать и так его погубить. О конкуренции мы говорим, когда два купца или фабриканта стремятся отбить друг у друга покупателей или когда два влюбленных соперничают между собой из-за расположения к ним одной и той же особы другого пола.

Ссоры, войны и конкуренция разных типов в значительной степени раз'единяют людей и разрушают общежития. Все эти процессы вызывают жертвы, принимающие иногда массовый характер. Тем не менее есть у этих процессов свои энтузиасты и защитники. Так, существуют принципиальные защитники войны. Они указывают на то, что слишком продолжительный мир и покой приводят в истории к расслаблению народов и к падению общественной нравственности. Люди, привыкшие к обеспеченной жизни в обществе, пользующемся благоустройством,

уходят в свои частные дела, начинают преследовать только свои личные выгоды и при этом забывают о том общественном целом, к которому принадлежат и которое именно и гарантировало им мирное и обезпеченное существование. Они утрачивают склонность к общественным делам, проникаются эгоизмом и становятся неспособными приносить жертвы на пользу общую. В результате все общественное целое может ослабеть и легко стать добычей внешних врагов. Напротив, войны сплачивают те народы, которым приходится нападать или, тем более, обороняться, воспитывают в людях способность приносить себя в жертву для общего блага, вскрывают всякие недостатки общественного и государственного строя, которые мало обращают на себя внимание в мирное время. Защитники войн утверждают, что война представляет собой справедливый суд истории над государствами, так как жертвами ее оказываются слабейшие.

Конечно, с подобного рода взглядами нельзя согласиться. Войны приводят к гибели слабейших, но слабость вовсе не всегда есть признак неправоты и победа силы вовсе не необходимо связана с торжеством справедливости. Таким образом, если война и является судом истории над народами, но нет никакой поруки в том, что суд этот отвечает требованиям справедливости. А с другой стороны самый процесс этого суда слишком жесток и ужасен.

Можно согласиться с тем, что слишком большая обезпеченность и безопасность портят и развращают людей, делают их изнеженными эгоистами. Таким образом, людям полезна и даже необходима борьба. Но из этого не следует, что борьба эта непременно должна получить характер кровопролитной войны. Кроме борьбы с оружием в руках существует борьба аргументами и убеждением. И эта борьба вовсе не в меньшей степени, чем вооруженная борьба, развивает в людях мужество, стойкость и наклонность жертвовать собою на пользу общую. Стойко защищать свои убеждения иногда бывает очень трудно и опасно, как показывает судьба многих мучеников за идею, именами которых пестрит человеческая история. Но в то же время подобная борьба ведется все-таки менее жестокими средствами и по своему характеру более достойна духовной природы человека, чем кровопролитные войны; ее исход лучше обезпечивает и торжество справедливости: проповедник какой-нибудь новой идеи может сам погибнуть в борьбе за ее осуществление и проведение в жизнь, но часто самая его гибель служит для вящего торжества защищаемой им истины.

Люди настолько сложные существа, что в их социальной жизни действие сил об'единяющих и раз'единяющих скрещивается и раз'единяющие силы часто приводят к большому напря-

жению об'единяющих. Так, нападение врага на какую-нибудь страну может морально встряхнуть и освежить обороняющийся народ, привести к устранению тех пороков, которые разлагали его общественную жизнь и ослабляли его государственность. Жизнеспособный народ выходит из тяжелых испытаний и бедствий, создаваемых борьбой за существование, часто обновленным и освеженным и с новыми силами продолжает свое социальное строительство.

При всем огромном значении, которое общественность имеет в жизни человека, и она имеет свои границы. Человеку присуща не только склонность к общению, но и потребность в уединении. Чрезмерно развитая жизнь на людях становится тягостной и может сделаться невыносимой. Этим об'ясняется тяжесть существования в армейских казармах или в закрытых учебных заведениях. Время от времени человек должен уединяться и пребывать с самим собой. Не все содержание нашей духовной жизни мы готовы сообщить другим людям. Есть известный элемент тайны, который нам дорог и который мы стараемся скрыть от окружающих. Иногда люди прибегают даже к тому, что не только скрывают от других свои духовные содержания, но умышленно вводят их в заблуждение относительно них. Тогда мы говорим уже не о тайне, но о лжи. Путем тайны и лжи люди замыкаются друг от друга, разрывают те связи, которые создает между ними общежительный инстинкт со всеми его разнообразными проявлениями.

Общежительный инстинкт, как и всякий инстинкт, действует бессознательно. Он является результатом тех физиологических, а иногда анатомических изменений, которые накопились в организме веками и укрепились действием отбора и передачи по наследству. Но не одни только те действия, которые порождаются инстинктом, имеют бессознательный характер. Бессознательная или подсознательная психическая жизнь вообще играет видную роль в существовании человека. Современная психология пришла к выводу, что деятельность, освещенная сознанием, составляет вообще только сравнительно малую часть нашего духовного бытия. Очень много духовных процессов происходит в нас, не переходя порога сознания, и в сознание вступают часто только готовые результаты этой подсознательной деятельности психики. Подсознательная психика является прежде всего хранительницей всего предыдущего опыта. Наше сознание довольно узко и в каждый данный момент вмещает в себя очень ограниченное содержание непосредственных переживаний момента. Но в него постоянно выплывают из глубины подсознания образы прошлого, которые человеком узнаются именно как воспоминания о прошлом; эти воспоминания приводят к тому,

что в нашей духовной жизни получается единство и что в ней постепенно накопляется богатый запас духовных содержаний, которым можно пользоваться и в сознательной деятельности для разных целей. Только на этой почве и возможен духовный рост личности, ее обогащение новыми знаниями, сложными и утонченными чувствованиями. Дело в том, что подсознательная психика не только хранит, но и творит. Она соединяет хранимые ею содержания в новые сочетания и в этом виде преподносит их сознанию. Сознание уже выбирает из этих сочетаний то, что окажется для него пригодным. Когда эта творческая работа подсознания не контролируется сознанием, то она получает беспорядочный характер. Так возникают фантастические и хаотические сновидения. Но той же работой подсознательной психики об'ясняются и внезапно появляющиеся у человека новые плодотворные идеи и чувства—то, что мы называем приступами творческого откровения и изобретения. В подсознательной же психике возникают разного рода чувства, эмоции, происхождение которых часто для нас непонятно. Человек может проснуться утром в состоянии какой-то безотчетной грусти, подавленности или, напротив, бодрости; он сам не знает происхождения этих настроений; они созданы его подсознательной жизнью и имеют там свои причины, неясные часто для сознания. Наконец, подсознательная жизнь имеет для людей то значение, что в ней создаются так называемые навыки, привычки. Если мы долго упражняемся в каком либо действии, то оно мало по малу механизируется. Мы начинаем выполнять его бессознательно, по привычке. Этим путем наша сознательная жизнь освобождается от многих задач и работа сознания может обратиться на другие цели. Напр., человеку приходится учиться ходить, говорить, писать, одеваться. Но все эти действия мало по малу настолько входят в привычку, что совершаются автоматически, бессознательно, и, совершая их, человек может думать о другом. Искусство писать плохо служило бы нам, если бы мы постоянно вынуждены были сознательно следить за тем, как мы пишем; тогда мы не могли бы обращать должного внимания на содержание написанного. На самом же деле хорошо грамотный человек может совершенно забыть о самом процессе письма, который стал для него механическим, и всецело отдаться сознательному контролю содержания написанного им.

Привычки, таким образом, нам очень полезны. Но они могут оказаться и вредными, если упорно держатся при таких условиях, когда оказываются невыгодными. Тогда мы говорим о дурных, застарелых привычках, с которыми подчас трудно справиться, так как они стали второй нашей натурой. Борьба с дурными привычками является одной из трудных задач в нравствен-

11040

ном развитии человека. Трудным делом является и сознательное воспитание в себе новых навыков, которые человек считает для себя полезными. Однако, такое дело, хотя и трудно, но может дать великие результаты. Воспитывая в себе полезные привычки и освобождая себя от дурных навыков, человек может радикально переделать свой характер. Если мы можем с большим успехом упражнять наше тело в разных направлениях и, напр., выучиться легко и грациозно ходить по канату, то чего же не можем сделать мы с нашей психикой, которая гораздо более подвижна и более поддается воспитанию, чем наше тело. Вот почему человек и не может оправдывать свое поведение ссылкой на то, что таков уж его характер, таким он родился. Каждый из нас может переделать свой характер путем воспитания в себе полезных привычек и подавления вредных навыков. В этом смысле каждый человек является хозяином своего поведения; на этом покоится и наша ответственность за поступки и речи.

Подсознательная психика дает себя знать не только в жизни отдельных людей, но и целых человеческих обществ. У людей, живущих общественными группами в более или менее одинаковых условиях, возникают однородные привычки, которые оставляют свой след в глубинах подсознательной психики, и эти люди начинают в известных отношениях походить друг на друга своими душевными особенностями именно благодаря общности условий жизни. Этим об'ясняется возникновение народных или национальных характеров. Конечно, отдельные люди, входящие в состав той или другой национальности, могут быть безконечно разнообразны по строю своей психической жизни, по своим личным характерам и темпераментам. Но общность исторических судеб, пережитых народом, приводит к тому, что у этих людей является кое-что общее и в их душевных свойствах. Бывают открытые и угрюмые характеры между русскими, англичанами и французами; но русский сангвиник будет вести себя не совсем так, как английский, если только оба они принадлежат к числу типичных представителей своей национальности. Наличность национальных характеров приводит к тому, что существует известное сходство между представителями каждой национальности, и чем зауряднее индивид, чем меньше в нем личных особенностей, тем больше может быть он пропитан этими национальными свойствами. Великие люди, в высокой степени одаренные, также могут выявлять в себе какую-нибудь национальную черту и тогда они выявляют ее даже с особенной яркостью и силой; но в их творчестве может быть много и чисто индивидуального, им лично присущего. О национальном характере поэтому лучше всего можно судить только по массовым процессам и движениям, в которых стираются личные особенности отдельных лю-

дей и больше выступает наружу то, что является всем им общим духовным содержанием. Часто при этом история дарит нас неожиданностями. Какое-нибудь потрясение в народной жизни заставляет проявиться во внешних действиях масс такие духовные черты, которые не находили долго себе применения и о которых забыли. Напр., народ, считавшийся высоко культурным, может в моменты таких потрясений проявить дикость и жестокость, которыми отличались отдаленные предки этого народа, или народ, который считается изнеженным и невоинственным, может проявить чудеса храбрости, также отличавшей в свое время его предков. Ясно, что всякому, кто имеет дело с человеческими обществами и народами, необходимо считаться с проявлением подсознательной психики, если он хочет избежать грубых и роковых ошибок. Часто в истории политические реформаторы, полководцы и дипломаты терпели жестокие неудачи именно на почве незнания того, что таится в глубинах подсознательной психики людей и чем определяется характер массовых процессов, поведение толпы, класса и даже целого народа.

Основное положение, которое должен себе усвоить всякий, приступающий к изучению социологии, состоит в том, что, имея дело с человеческими массами, не следует преувеличивать значения контролирующего сознания в их жизни и деятельности, но надлежит постоянно помнить о том огромном значении, которое получает в их бытии унаследованный инстинкт и глубоко заложенные в подсознательной психике навыки и тенденции, темные силы, часто стихийно вмешивающиеся в ход событий и определяющие направление исторических процессов совершенно независимо от выкладок нашего сознательного рассудка. В истории очень многое определяется этими темными силами и ход ее лишь в слабой степени зависит от наших сознательных планов и рассчетов.

Большой интерес для социологической науки представляет вопрос о том, могут ли человеческие психики вступать в подсознательное сообщение между собой. Такие явления, как гипнотические внушения, показывают, что такое сообщение возможно и происходит. Но эта область пока еще мало изучена и социологу приходится останавливаться, главным образом, на процессе сознательного общения людей между собой, не теряя однако из вида значения и влияния подсознательных психических процессов. В дальнейшем мы перейдем к изучению механизма сознательного общения людей между собой.

Глава III. Физический механизм духовного взаимодействия людей.

Души людей замкнуты и не могут непосредственно сообщаться друг с другом, по крайней мере, в сознательных своих проявлениях. „Чужая душа потемки", говорит известная пословица и в этом изречении народной мудрости выражена великая истина. Содержание чужих мыслей и чувствований само по себе нам недоступно. Мы не можем непосредственно переживать этих процессов, так как нет у нас соответственных органов восприятия. Наши внешние чувства воспринимают только физические тела, размещенные в пространстве, и их движения, но не непространственные духовные процессы, происходящие в других людях. Об этих процессах мы можем только догадываться на основании тех намеков на них, которые содержатся в движениях тел других людей. Мы видим, что окружающие нас люди совершают известные движения или издают известные звуки. Мы наблюдаем, что и наше собственное тело выполняет аналогичные движения и издает похожие звуки. По непосредственному переживанию мы знаем, что этим движениям и звукам нашего тела соответствуют известные духовные переживания, что один звук мы издаем, когда мы чего либо испугались, другой—когда мы хотим приманить кого либо к себе, третьим мы обозначаем какой нибудь предмет или действие. И мы начинаем в том же смысле толковать звуки и движения окружающих нас тел других людей. Мы судим об их духовной жизни по сходству со своей собственной и другого пути проникновения в чужую психику для нас не существует.

Поэтому наши суждения о других людях всегда неизбежно субъективны и часто вводят нас в заблуждение. Мы не можем понять в других людях того, что сами не пережили хотя бы в слабой степени. Но с другой стороны очень часто догадки наши бывают правильны. Ведь люди устроены более или менее однообразно и поставлены в более или менее одинаковые условия жизни. Поэтому естественно, что они начинают производить одинаковые внешние движения при одинаковых духовных переживаниях, что способы внешнего проявления духовных содержаний у них в значительной степени совпадают. Сверх того, люди и подражают друг другу, как мы видели, часто совершенно безотчетно и несознательно; процесс взаимного подражания также ведет к тому, что внешние движения людей становятся одинаковыми и выражают одни и те же духовные содержания. Так возникает процесс духовного взаимодействия людей при посредстве их тел и той физической среды, в состав которой человеческие тела, как протяженные, пространственные

предметы входят. Здесь все сводится к тому, что мы следим за движениями человеческих тел, истолковываем их по аналогии с собственными движениями и отвечаем на них движениями своего тела, которые другие люди также истолковывают по аналогии с собственными движениями. Общение людей между собой происходит при помощи жестов, которые бывают звуковыми или немыми. Звуковые жесты в своем развитии превращаются в то, что мы называем членораздельной речью; но рядом с ними до сих пор сохраняют свое значение и немые жесты, куда относятся разного рода движения рук, игра лица и т. п. В первобытной культуре, когда членораздельная речь словами была еще мало развита, язык немых жестов имел еще большее значение.

При помощи жестов люди понимают друг друга. Но так как этот способ проникновения в содержание чужой духовной жизни очень несовершенен, то этим же путем они могут обманывать друг друга, вводить друг друга в заблуждение. При изучении социальных процессов следует постоянно иметь в виду, что духовное взаимодействие людей состоит не только в раскрытии перед другими душ, но и в утаивании многого и представлении в ложном свете. Обман и мошенничество играют слишком большую роль в процессе человеческого общения и должны быть постоянно учитываемы социологом.

Так как для общения мы нуждаемся в посредстве физического мира, то на процессе духовного взаимодействия людей сильно отражается прогресс материальной культуры, который приводит к усовершенствованию внешней техники общения. Одним из важнейших исторических событий было появление письменности. Письмо дало возможность людям сообщаться на далеких расстояниях и сверх того сообщаться во времени. Трудно сказать, какая сторона письменности сыграла большую роль, но, пожалуй, вторая была еще важнее первой. Ведь при посредстве закрепления на письме результатов работы мысли, люди получили возможность из поколения в поколение передавать без искажения и изменения накопляемый ими запас знаний. При устной передаче духовные содержания неизбежно извращаются и затериваются, делаются жертвой забвения. Письмо привело к тому, что мы можем постоянно находиться в общении с давно умершими людьми, произведения которых были закреплены ими в письменной форме. Это обстоятельство имеет огромное значение для преемственного развития культуры и с социологической точки зрения целая пропасть разделяет народы, обладающие письменностью, от народов, незнакомых с искусством письма.

Видную роль в процессе общения сыграло, далее, изобретение книгопечатания. Это изобретение дало возможность распростра-

нять произведения духовной деятельности сразу большими массами и на больших расстояниях. Таким образом, большие количества людей могли теперь переживать восприятия одинаковых духовных содержаний одновременно. Это привело к усилению таких общественных течений, при которых люди не пребывают в состоянии непосредственной физической близости, как участники толпы, но друг друга не видят и не слышат и тем не менее переживают одни и те же эмоции и сознают, что они не одиноки в этих переживаниях. Такие массы людей, охваченных одним и тем же настроением, несмотря на отсутствие пространственной близости, и сознающих эту однородность своего настроения, называются публикой, согласно терминологии, предложенной Тардом. Наше время отличается господством именно публики, а не толпы. На такого рода процессах основано создание столь могущественного в наше время общественного мнения. Оно формируется не столько путем изустной агитации и проповеди, сколько путем воздействия на массы людей печатного слова.

Воздействие печати стало особенно сильным, широким и интенсивным, когда появились усовершенствованные пути сообщения и средства передачи известий на расстояниях с большой скоростью. Я имею в виду появление пароходов, паровых и электрических железных дорог, телеграфов и телефонов. При наличии таких усовершенствований в технике общения, социальные процессы потерпели сильные изменения. В наше время важные известия распространяются по всему культурному миру с быстротой молнии и широко сообщаются массам при помощи выходящих в огромном количестве экземпляров газет, развозимых с большой быстротой и точностью на больших расстояниях.

При таких условиях процесс духовного взаимодействия людей страшно ускоряется, область сношений невероятно расширяется, темп общественной жизни делается все более и более быстрым, другими словами социальные процессы становятся шире и интенсивнее. Как говорится, общественная жизнь у культурных народов бьет ключем. Общественное мнение по поводу важных событий, волнующих культурный мир, формируется быстро, захватывает своим давлением большие массы людей и становится гораздо большей социальной силой, чем оно было в прежние времена. Все это приводит к тому, что перемещается и центр тяжести в политической жизни. Например, хотя вооруженная сила продолжает до сих пор свое вмешательство в ход политических процессов, но ей все в большей и большей мере приходится считаться с чисто духовным воздействием общественного мнения. Только при этих условиях

делается понятным политическое могущество разных общественных организаций, не располагающих вооруженной силой и тем не менее часто решающих своим невооруженным вмешательством важные исторические вопросы. Таковы, например, современные парламенты и всякого рода советы и собрания депутатов. Сила мирной пропаганды в наш век публики часто оказывается гораздо внушительнее, чем всякие иные способы социального воздействия.

Мы знаем, что общество по самому своему существу есть процесс духовного взаимодействия людей; оно принадлежит таким образом, к числу духовных явлений. В этом смысле можно сказать, что общество непространственно, невидимо, неслышимо и неосязаемо. Общество налицо тогда, когда люди духовно влияют друг на друга, сообщают друг другу мысли, чувства, волевые решения, и именно в самом процессе этого духовного воздействия одних людей на других и заключается человеческое общество.

Но только что изложенные соображения о самом механизме взаимодействия людей показали, что в этом процессе имеется и физическая сторона. Люди нуждаются в посредстве физического мира, чтобы передавать друг другу содержание духовных переживаний. В этом смысле можно говорить и о телесной, физической стороне общества. Ее составляют все эти внешние условия нашего общения. Сюда входит та земля, по которой люди ходят, тот воздух, который они приводят в колебание, чтобы произносить слова, все те предметы и приспособления, при помощи которых устраиваются пути сообщения и средства сношения, железные дороги, телеграфы и телефоны и т. п. Общественные процессы стоят в тесной зависимости от этих физических условий и предметов. Достаточно вспомнить о том огромном бедствии, которое постигает каждую страну при расстройстве, например, путей сообщения. Если перестают правильно доставляться с'естные припасы, начинается голод; если не подвозятся сырые материалы или топливо, останавливаются фабрики и заводы; если перестают работать телефоны, в значительной степени расстраивается налаженный порядок деловых и иных сношений между людьми и также могут пострадать важные интересы. Как болезнь тела человека отражается на состоянии его духа, так и расстройство физического аппарата общения влечет за собой расстройство духовного общения между людьми и совместной общественной деятельности.

Но общество все-таки много духовнее отдельного человека. Тело человека стоит в гораздо более тесной связи с психической жизнью индивида, чем то, что мы предлагаем называть телом общества. Это сказывается уже в том, что отдельные

члены общества все-таки не связаны механическою неподвижной связью между собой и могут пребывать в интенсивном общении, находясь на очень далеком расстоянии друг от друга. Чтобы быть деятельным гражданином и участвовать в жизни своего народа, нет нужды непременно пребывать на той территории, которую занимает этот народ. Можно постоянно проживать за-границей и тем не менее поддерживать усиленные сношения со своим отечеством, принимать самое активное участие в общих судьбах своих соплеменников. Вот почему нельзя считать телом общества только ту площадь земной поверхности, на которой большинство его участников постоянно проживает и где разыгрываются общественные процессы, составляющие жизнь этого общества. Подобная мысль высказывалась в социологической литературе. Некоторые социологи предлагали, например, телом государства считать его территорию, из которой получают питание живущие в государстве люди, по которой они передвигаются и при помощи которой они сообщаются. Но это неверно даже для такого союза, как государство, которое для своего бытия действительно предполагает наличность постоянной определенной территории. Дело в том, что, как мы видели, все-таки и члены государства не остаются привязанными к его территории и могут оставаться в духовном общении с соотечественниками, даже проживая вне территории отечества. Да и питание свое члены государства вовсе не целиком получают из собственной территории при наличности развитого международного обмена. Если это положение оказывается, таким образом, неверным для государства, то еще в большей степени неприложимо оно к другим видам общества. Есть такие общественные союзы, которые вообще не имеют постоянной территории или постоянного местожительства. Такие обширные социальные союзы, как современные церкви, не нуждаются в территории. Христианская церковь об'явила себя вне национальных и государственных границ. Ее члены разбросаны по разным странам и народам. Тоже самое относится к таким религиям, как буддизм или магометанство. Не имеют территории и определенного местопребывания, с которым они были бы неразрывно связаны, такие виды обществ, как ученые общества, женские союзы, рабочий интернационал и т. п.

Если же союз связан с определенной территорией, то ее свойства, конечно, получают социальное значение. Территория придает общественным отношениям устойчивый характер и в значительной степени содействует индивидуализированию данного союза, выделению его из всех остальных. Для жизни государства территория получает важное статическое и динамическое значение, т. е. от ее свойств зависит жизнь государства в

каждый данный момент времени и ее последовательные изменения. Государственная власть подчиняет себе всех людей, живущих на территории государства, со включением иностранцев, но зато не может повелевать за пределами своей территории; за этими пределами начинается уже область международных отношений и соглашений. Оборона государства зависит в значительной степени от свойств территории: чем эта территория имеет более правильную форму геометрическую, приближается к фигуре круга или квадрата, тем легче ее защищать, так как протяженность пограничной линии при этом сравнительно меньше, чем при неправильной конфигурации территории. Обширное государство часто находит себе защиту именно в своей обширности. Россия часто спасалась от вражеских нашествий именно своим колоссальным пространством. Обширная и разнообразная территория дает возможность стране предоставлять своей промышленности собственное сырье для обработки и в этом состоит большое преимущество таких стран, как Северо-Американские штаты или Россия, перед такими, как маленькая Бельгия. Огромное значение имеют и другие свойства территории, ее географическое положение, степень близости к морю, устройство поверхности, климат, флора и фауна. К этим вопросам нам еще придется вернуться.

Не только заселенные местности имеют значение в социальной жизни, но и пустые места. Пустыни разъединяют и разобщают людей. Пустые, незаселенные полосы земли могут служить и местом нейтрального общения для членов различных общественных союзов. Поэтому во время военных перемирий часто оставляют особую нейтральную зону, на которой свободно могут показываться участники обоих враждебных армий.

Внешние чувства, при помощи которых мы воспринимаем предметы окружающего физического мира, получают также известное социологическое значение. Ведь только при их помощи мы знакомимся с движениями людей, на основании которых догадываемся об их духовных переживаниях. Германский социолог Зиммель выяснил роль, которую играют различные внешние чувства в процессе общения. Он указывает на то, что зрение не только дает нам новые содержания, но его орган— глаза—и сам кое-что о нас сообщает окружающим людям. По выражению глаз люди могут судить о нашем духовном состоянии. Ухо, напротив, только берет впечатления из окружающего мира, ничего ему не давая, и при том вынуждено брать все, даже то, чего мы не желаем слышать; мы можем закрыть глаза, чтобы не видеть чего-нибудь, но гораздо труднее нам оградить себя от слуховых впечатлений. Притом то, что дают нам глаза, имеет совсем не то содержание, которое дает нам слух. Су-

ждение о человеке меняется, смотря по тому, знаем ли мы только его лицо, или же имеем возможность слышать его голос и с ним беседовать. Обоняние играет меньшую роль в процессе общения, чем зрение и слух; притом оно более разъединяет, чем соединяет людей, так как мы лучше воспринимаем неприятные, отталкивающие запахи, чем приятные. Если от человека дурно пахнет, это в значительной степени затрудняет общение с ним других людей. Расовые запахи являются одним из источников расовой ненависти и разобщения.

Глава IV. Человеческие расы.

Исторические судьбы различных человеческих обществ далеко неодинаковы. Есть группа народов, которой удалось далеко подвинуться по пути культурного развития и которая поэтому заняла доминирующее положение в истории и является главным предметом внимания и со стороны ученых. Это—народы европейские, к которым не так давно присоединились еще обитатели Америки и Австралии. Имеются, далее, народы, которым привелось создать оригинальную и довольно высокую культуру в давно минувшие времена; но затем эти народы как будто остановились в своем развитии и перестали играть видную роль в историческом процессе. Таково положение Китая и Индии. История показывает нам, что иногда народы, создавшие великие произведения культуры, затем совершенно сходят с лица земли. Такая участь постигла древних Вавилонян, Египтян, Римлян, и даже Греков, потому что современные Греки весьма мало общего имеют с античными. Наконец, есть и такие группы людей, которые никогда не выходили из дикого состояния, и в наше время оказываются столь же не культурными, какими были спокон века. Сюда принадлежит большинство чернокожих и краснокожих обитателей Азии, Африки, Америки и Австралии; культуры, созданные представителями этих человеческих групп, вроде культуры Мексиканского и Перуанского государств в Америке, составляют редкое исключение.

Естественно возникает поэтому вопрос: одинаковы ли люди по самой своей природе? Не следует ли между ними различать отдельные породы, подобно тому, как породы различаются между другими животными, напр., между собаками? Быть может, есть человеческие разновидности, способные к общественному развитию, и есть такие, которые по самым природным своим свойствам обречены на общественный застой? Отрицать основное единство человеческого рода, конечно, не приходится. Оно следует уже из того, что все люди могут вступать между собой в брачные отношения и производить потомство. Никаких при-

родных препятствий к скрещиванию не имеется. Но это не помешало бы тем не менее различать среди людей отдельные разновидности с точки зрения их социологических задатков.

И действительно существует не мало социологов и историков, которые считают весьма важным фактором общественной жизни т. наз. расовый фактор. Они полагают, что люди по природе разделяются на отдельные расы, представители которых отличаются друг от друга особенностями в самом строении и отправлениях организма, и что эти расовые различия налагают отпечаток на исторические судьбы людей. Есть расы, более способные к культурному развитию, высшие расы, и расы менее способные или совсем неспособные, низшие расы. Появилась целая наука, антропология, которая ставит своей задачей систематическое изучение подобных особенностей людей и систематизацию человеческих рас.

Приходится, однако, констатировать, что до нашего времени изыскания в этой области не дали таких результатов, которыми мог бы в широкой степени воспользоваться социолог. Естествоиспытателям не удалось решить важного вопроса о том, лежит ли в основе происхождения человеческого рода моногенизм, т.-е. появился ли человек первоначально в одном каком либо месте, так что все люди происходят от одних общих предков, или же люди появились в разных местах и, может быть, даже в разное время, так что уже по происхождению они не представляют из себя единства. Вопросы о происхождении животных видов пока еще не исследованы биологической наукой в такой мере, чтобы она могла дать ответ на подобную проблему.

Когда ученые обращаются к изучению современного человечества, то результаты получаются также не особенно определенные. Делались разные попытки классификации рас. Наиболее старой является попытка разделить людей по цвету кожи. Это различие, в самом деле, особенно бросается в глаза. Его держался один из основателей биологической систематики—Карл Линней; ему же следовал видный зоолог на рубеже между XVIII и XIX столетиями—Кювье. Но и в этом случае ученые расходятся между собой в выводах. Одни различают, как Линней, четыре основных расы—белых европейцев, желтых азиатцев, красных американцев и черных африканцев, которые награждаются и различными социологическими свойствами; так, по Линнею, европейцы управляются на основании законов, азиатцы—посредством мнений, американцы—на основании обычаев, африканцы —посредством произвола. Кювье довольствуется тремя расами: белой, желтой и черной, которые выводятся им от трех сыновей Ноя. Подобные разногласия не должны нас удивлять. Более тщательное изучение показало, что на основании цвета кожи

очень трудно произвести строгое разделение человеческих рас. Оказывается, что между различными оттенками цвета существует такая масса переходов, что резко отделить их друг от друга не возможно. Сверх того, цвет кожи меняется под влиянием изменений в географической обстановке и в образе жизни. Наконец, классификация по цвету кожи сама по себе мало представляла бы интереса для социолога, потому что очень трудно уловить какую-нибудь связь между цветом кожи и социальными свойствами людей, большей или меньшей их способностью к культурному развитию. Те сопоставления, которые делал Линней, совершенно произвольны, неясны и неубедительны. Такой же характер имеют и дальнейшие попытки в том же направлении. История говорит нам, правда, что до сих пор наибольшие способности к социальному строительству проявили представители белой расы; желтым удалось создать государства, как будто остановившиеся в своем развитии — Китай; что же касается черных негров, то их достижения в этой области минимальны. Но мы совершенно не видим, в какой же связи все эти факты стоят именно с цветом кожи, а потому не можем быть уверены, не являются ли они результатом исторической случайности и не переменятся ли в будущем развитии роли различных цветных человеческих групп. История нового времени показывает напр., что желтые расы как будто выходят из состояния покоя; Япония быстро усвоила себе плоды европейской культуры, в Китае происходят бурные революционные движения, результаты которых пока неизвестны. Может быть, именно этим расам придется в будущем играть видную историческую роль. Ничего определенного не можем мы сказать и о будущем черных негров.

Другие исследователи обратили внимание на форму человеческого черепа и пытались построить классификацию рас на основании этого критерия. Шведский анатом Рециус предложил полагать в основу соотношение длины и ширины черепа и форму лицевого угла и с этой стороны делить людей на длинноголовых—долихоцефалов—и короткоголовых—брахицефалов,— различая между ними сверх того людей с выдающимися челюстями — прогнатических — и с более тупым лицевым углом— ортогнатических. Эта классификация обратила на себя внимание и ею много занимаются современные антропологи. Но и здесь результаты пока получаются довольно неопределенные. Оказывается, что черепа одной и той же формы встречаются в самых различных уголках земного шара, а в то же время среди представителей одного и того же народа можно найти черепа различной формы. Самое же главное для социолога то, что до сих пор не удалось установить определенной зависимости между

формой, величиной и вместимостью черепа и характером духовных свойств людей, а это и есть самое главное в историческом и социологическом отношении.

Предлагались и иные критерии разделения рас. Так, указывали на то, что волосяной покров у людей обладает различными свойствами. Фридрих Мюллер предлагал делить людей на шерстистоволосых, пучковолосых, руноволосых, прямоволосых, кудреволосых. Ясно, что подобные классификации не могут иметь социологического значения. В самое последнее время встречаются попытки поставить классификацию рас в связь с различиями, которые наблюдаются в составе крови, т. е. на физиологическую основу. Исследования в этом направлении только еще начинаются и неизвестно, дадут ли они результаты, ценные для социолога.

При таком положении вопроса в антропологической науке совершенно очевидно, что все попытки положить расовый фактор в основу социологии и философии истории являются преждевременными. Между тем такие попытки делались в разное время. Уже Аристотель в своей „Политике" проводил различие между народами северными, преисполненными мужества, но не отличающимися сильным интеллектом, народами Азии, обладающими развитым интеллектом, но лишенными мужества, и эллинами, сочетающими в себе все достоинства и потому по природе предназначенными ко властвованию над другими людьми. В том же духе рассуждал в XVI веке француз Боден. В наше время граф Гобино выступил с теорией, согласно которой только белая раса и притом в чистом виде способна к культурному развитию; поэтому Гобино видел великую опасность для человечества в том, что чистота белой расы в истории ослабевает. Другие социологи и историки пытаются об'яснить исторические процессы борьбой долихоцефалов и брахицефалов, причем почему-то особенной любовью пользуются обыкновенно блондины долихоцефалы, в которых видят исключительных носителей прогрессивного начала. Подобные учения в большом ходу были в новейшей Германии и превосходство германской культуры перед всеми остальными часто об'яснялось расовыми преимуществами Германцев. Наконец, есть социологи, которые пытаются свести общественную эволюцию к борьбе и взаимодействию рас, не определяя в точности, что именно они понимают под расами; такой неопределенностью страдает теория известного австрийского социолога Гумпловича и его учеников.

Приходится признать, что мы слишком мало знаем в этом отношении, чтобы придавать расовому фактору видную роль в социологии. Неудивительно поэтому, что многие социологи совершенно не считаются с расовым фактором и даже вполне

обходят его молчанием. Другие же ученые и мыслители даже принципиально высказываются против учения о расовом неравенстве людей. Они утверждают, что люди по природе более или менее равны и что всякого рода соматические (телесные) различия между ними слишком ничтожны для того, чтобы в зависимость от них ставить решение об исторической роли той или иной группы. Если до сих пор люди разного цвета кожи играли не одинаковую историческую роль, то это было результатом сложных исторических причин, а вовсе не расового различия. Одни оказались поставленными в более благоприятные условия, другие—в менее благоприятные. С изменением исторической обстановки существенно изменятся и результаты. Попытки же поставить истолкование истории на расовую основу, на почву учения о неравенстве людей вызваны совершенно ненаучными соображениями, по мнению этих защитников равенства людей. В их основе лежит расовая вражда и расовый предрассудок.

В довольно близкой связи с расовой проблемой стоит женский вопрос. В этом случае речь идет также о неравенстве людей, вызываемом различиями в строении и отправлении организма. История нам показывает, что половые различия не остаются без влияния на социальные процессы. В течение всей истории мы видим, что общественное положение и историческая роль мужчин и женщин далеко не одинаковы. На широкой арене истории выступают почти исключительно мужчины. Социальная деятельность женщин замкнута в сравнительно узкие общественные союзы, какими являются семья и род. В области же государственной деятельности женщины выступают очень редко и имена их не часто фигурируют в политической и культурной истории. Невольно возникает вопрос, не стоит ли такое положение вещей в связи с половыми различиями и не предопределяют ли эти различия и на будущее время неодинаковую роль женщин и мужчин в историческом процессе? И этот вопрос в наше время вызывает большие разногласия. И здесь сторонники принципиального неравенства людей защищают положение, что по самой своей природе женщины предназначены совершенно к иной общественной роли, чем мужчины. Все попытки женщин изменить свое положение в обществе и сделаться равноправными с мужчинами, получить доступ к профессиям и занятиям, которые до сих пор находились в руках мужчин, эти ученые считают противоестественными и обреченными на неудачу. Если же женщинам все это удастся, то от этого только пострадает культурное развитие. Женщина должна действовать попрежнему в узком семейном кругу и не претендовать на иную роль, кроме роли матери и воспитательницы своих детей, подруги и помощницы своего мужа. Напротив,

крайние сторонники равноправия утверждают, что никакого социологического значения анатомические и физиологические различия полов не имеют. Исключительно исторические условия, господство в общественных отношениях грубой мускульной или вооруженной силы заставило женщин в прежние времена отказаться от более видной общественной и политической роли. В будущем же женщины завоюют себе полное равноправие и тогда социально-политическая роль представителей того и другого пола станет совершенно одинакова.

Я думаю, что в данном случае истина лежит по средине и не разделяю ни того, ни другого крайнего взгляда. Женщины и мужчины, как мне кажется, не похожи друг на друга не только в анатомическом и физиологическом отношении, но и в своих духовных свойствах. У женщин есть свой половой темперамент, сложившийся применительно к той физиологической функции—деторождению, выполнение которой присуще только женщинам; этот темперамент кладет свой отпечаток на все духовные свойства женщины и делает типичную женщину во многом непохожею на типичного мужчину. Эти различия и являются основной причиной того, что женщины и мужчины до сих пор играли не одинаковую роль в общественных процессах. Но так как они неизгладимы, то и в будущем социально-политическое значение женщин будет не таково, как значение мужчин. Однако из этих посылок я не делаю выводов против женского равноправия. Я убежден, что различие в духовных особенностях не помешает женщинам сильно расширить круг своей общественно-политической деятельности и с успехом заниматься многими профессиями, которые до сих пор были исключительным достоянием мужчин. Но женщины во всех этих областях внесут в культурное развитие нечто свое, женское. Расширение сферы общественного влияния женщин приведет к тому, что во всей культуре усилится значение женского элемента. Культура утратит преимущественно мужской характер, которым она отличалась до сих пор, и станет культурой общечеловеческой в полном смысле слова. Мужскими профессиями женщины будут заниматься по-своему и таким образом скажут человечеству свое новое слово. То женское влияние, которое до сих пор благотворно сказывалось в узких областях семейной жизни, теперь скажется в более широком масштабе и выявится в более наглядных об'ективных результатах.

Сравнительная филология установила наличность лингвистических групп, т. е. больших групп народов со сходными по строению языками. В этом смысле различаются языки малайско-полинезийские, дравидские, урало-алтайские, южно-африканские, американские, семитические, арийские. В истории Европы имеют

преобладающее значение языки арийские или индоевропейские, которые, смотря по произношению слова „сто", делятся на две группы: группу „сатем", в которую входят индусы, персы, армяне, славяне, литовцы, и группу „кентум", к которой относятся греки, римляне, кельты, германцы. К семитической группе, которая также сыграла видную роль в истории, принадлежат евреи, финикияне, египтяне, ассирийцы, арабы. Весьма возможно, что образование лингвистических групп стояло в связи с расовыми различиями. Но язык меняется легче, чем анатомические и физиологические свойства. Постоянно происходит процесс заимствования слов одним языком у другого. Народные группы, перемешиваясь вследствие переселений и завоеваний, также усвоивают себе чужие языки: победители могут навязать свой язык побежденным или наоборот, переселенцы начинают говорить на языке той местности, в которую переселяются. Поэтому по близости языков нельзя еще судить о расовой близости людей.

Точно также в довольно отдаленной связи с расовым вопросом стоит вопрос о национальностях. Национальность есть продукт исторического процесса. Состоит она в том, что масса людей, переживая одни и те же исторические судьбы в одних и тех же географических условиях, вырабатывает ряд духовных особенностей, которые сказываются затем на массовых процессах. Каждая сложившаяся национальность по-своему реагирует на исторические события, по-своему ведет себя в своих исторических судьбах. Если сравнивать между собой истории различных европейских народов, при всей общности культуры, которая создана европейским миром, сразу заметны несходства характеров таких сложившихся народов, как Англичане, Французы, Немцы, Русские и т. д. Особенности народных характеров выростают постепенно. Современные народности Европы сложились окончательно сравнительно недавно. В раннем средневековьи еще не приходится говорить о немцах, французах, англичанах, как об особых национальностях. Долго происходит процесс брожения, в течение которого из разнообразных элементов, брошенных в котел истории, выплавляются определенные облики различных европейских народов. Только в самое последнее время национальный вопрос выдвинулся на первый план. Он стал играть видную роль в течение XIX века, когда происходит борьба многих национальностей за свою независимость и политическое об'единение. Так возникает современная Греция, единая Италия, единая Германия. Все эти национальности происходят от смешения различных элементов в весьма прихотливых сочетаниях, а потому в прямую связь с делением человечества на расы, отличающиеся различием в анатомическом

строении тела и в физиологических отправлениях, поставлены быть не могут. Нельзя указать также и тех об'ективных признаков, в которых непременно должны проявляться духовные особенности национальностей; такими признаками не являются ни язык, ни религия, ни политическая организация. Национальность может сохраняться и при потере народом политической независимости и раздроблении его между разными государствами; это показывает судьба Польского народа, который к началу XIX века утратил свою политическую самостоятельность, но это обстоятельство только способствовало оживлению духа национальной самобытности. Национальность проявляется просто в известных особенностях мышления, чувствования, и воления, которые отражаются на поведении народных масс и влияют на ход исторических событий. Национальные особенности об'ективно могут проявляться и в политических учреждениях, и в языке, и в нравах, и в религиозной жизни, но трудно сказать в общей форме, в какой именно области социальной жизни они найдут наиболее яркое выражение у того или иного народа.

Глава V. Географическая среда.

Внешняя природа, среди которой разыгрываются общественные процессы, имеет большое влияние на их ход. Географическая среда, повидимому, гораздо разнообразнее, нежели природные различия людей и потому является фактором, который и в историю народов вносит большое разнообразие, индивидуализирует историю в сильной степени. Неудивительно поэтому, что уже с давних пор ученые обратили внимание на значение географического фактора в истории. О нем пишут в античной древности Геродот, Гиппократ, Аристотель, Страбон. На нем останавливает свое внимание арабский социолог XIV века Ибн-Халдун. Большое значение придают географической обстановке Боден в XVI ст., Монтескье и Гердер в XVIII. Но на научную почву исследование этого вопроса было поставлено только в XIX веке. Карл Риттер положил начало науке, которую он назвал „сравнительным землеведением"; задача этой науки состоит в том, чтобы путем сравнения выяснять сходства и различия в географической обстановке и таким образом получать матерьял для известных обобщений в этой области. В настоящее время усиленно разрабатывается „антропогеография", т. е. наука, имеющая своей целью выяснить всесторонне отношения между человеком и окружающей его внешней природой. Фридрих Ратцель является видным представителем этой науки в Германии, Элизе Реклю—в романской литературе.

Самый поверхностный обзор всемирной истории на каждом

шагу наталкивает нас на влияние географической обстановки. Культура легче зарождается в странах с мягким климатом, изобилующих дарами природы. Не даром древнейшее возникновение культуры наблюдается в таких странах, как Индия, Вавилония, Египет. При этом мы видим, что в географической обстановке знойной Индии индоевропеец стал в значительной мере не тем человеком, каким мы его наблюдаем в Европе. Политическая жизнь Индии с ее замкнутыми кастами, созданные индусами религиозные системы, как браманизм и буддизм, проникнутые ярко пессимистическим характером и стремлением к отрешению от жизни и погружению в нирвану, в небытие, резко отличаются от соответственных сторон европейской культуры. История Египта есть в значительной степени история реки Нила. Нил со своими регулярно наступающими разливами сделал возможным правильное и обеспеченное земледелие в плодородной речной долине и это обстоятельство было главной причиной, облегчившей раннее возникновение высокой культуры. И дальнейшая история Египта определяется заботами населения о регулировании течения и разливов Нила. Культура Ассирии и Вавилона есть культура „междуречия"; она определяется течением Тигра и Евфрата. Судьба древних Финикиян определилась их приморским положением. Архипелаг Ионийского моря явился тем местом, где благодаря особо благоприятным условиям зародилось оживленное мореплавание; оно облегчалось именно тем, что острова архипелага разбросаны на небольшом разстоянии друг от друга, которое не трудно переплывать на самых примитивных судах. История Греции определилась с одной стороны ее географическим положением между Европой и Азией, с другой—устройством ее поверхности: эта страна, изрезанная вдоль и поперек горными хребтами, не могла создать единого государства и все время распадалась на небольшие территории самостоятельных государств—городов, соперничавших и враждовавших между собой. Напротив, Аппенинский полуостров по географическим условиям был очень благоприятной почвой для образования единого государства, которое, будучи расположено посредине Средиземного моря, затем распространило свое господство на весь тогдашний культурный мир. После падения Западной Римской империи культурная жизнь и творчество перемещаются на север Европы. Эти страны были менее пригодны, чем южные, для зарождения культуры, но оказались при своем умеренном климате особенно благоприятными для дальнейшего развития зародившейся на юге и перенесенной на север культуры. В умеренном климате человек не так изнеживается, как в теплом, и потому оказывается более бодрым и предприимчивым. В то же время этот климат не ставит для

культурной деятельности таких почти непреодолимых препятствий, как климат полярных стран, чрезмерно сухих пустынь или чрезмерно сырых и дождливых местностей. В наше время именно умеренные страны оказываются главными создателями мировой культуры. Первоначально культурная жизнь группировалась около двух внутренних морей Европы: к Средиземному морю, которое было средоточием античной истории, прибавилось Балтийское море. Затем в истории стали играть видную роль океаны, сперва Индийский, затем Атлантический, в последнее время выдвигается значение Великого Океана. Вместе с тем культура постепенно из Европейской становится мировой. В культурную жизнь и общение втягиваются народы не только близких к Европе по духу и по происхождению своего населения Америки и Австралии, но и народы Азии, каковы Японцы и Китайцы. Великая война 1914—1918 годов была первым крупным событием истории, разыгравшимся во всемирном масштабе. Возможно поэтому, что наши потомки именно эту войну будут считать новой эрой в истории, когда кончилась история Европейского мира и началась в полном смысле слова Всемирная история.

Приглядываясь к географической карте, мы должны отметить, прежде всего, неравномерное распределение по земной поверхности суши и моря. Суша занимает всего 28% этой поверхности, тогда как на долю морей и океанов приходится вместе с арктическими странами 72%. Затем все это крайне не равномерно распределено между полушариями: большая часть суши приходится на долю северного полушария, тогда как в южном преобладают моря. Это приводит к тому, что в истории главную роль играет, и, вероятно, всегда будет играть северное полушарие. Такое распределение суши и воды, конечно, имеет свои причины, которые современной наукой не выяснены окончательно. Предполагают, что оно стоит в связи с процессом остывания земного шара, при котором земля сплющивалась не в виде правильного шара, но несколько приближалась к форме тетраэдра, выступы которого приходились в северном полушарии и послужили основанием для расположенных своими основаниями к северу больших материков (т. наз. географические гомологии Грина).

Внешняя природа воздействует на человека разными своими сторонами. Особенно много всегда писали о влиянии климата на человека. И действительно климат оказывает на людей прямое воздействие. Полярный климат требует совсем иной пищи, чем теплый; эскимосы поглощают огромное количество пищи, особенно жира, о котором не имеет никакого представления житель южных стран. Климат высоких гор ведет к особенному расши-

рению грудной клетки. Полутемные горные долины создают предрасположения к таким заболеваниям, как зоб и кретинизм. В очень сырых местностях европейцы совсем не могут акклиматизироваться. От климата в значительной степени зависит окраска человеческой кожи.

Но большее значение в истории имеют не такие прямые влияния географических факторов, а влияния не прямые, которые состоят в том, что географические условия влияют на занятия и образ жизни людей, а эти факторы уже влияют на их духовные свойства. В этом отношении в истории играют роль самые различные стороны внешней природы. Большое значение для истории каждой страны имеет самое географическое ее положение. Уже выше было отмечено значение этого обстоятельства для истории древней Греции и Италии. История России в значительной степени определилась тем, что России суждено было стать форпостом европейской культуры перед натиском азиатских кочевников. Южнорусские степи представляют собой, по выражению Ключевского, клин, вбитый Азией в Европу; по этому корридору все время проходили из Азии орды кочевников, и России главным образом приходилось выдерживать их натиск. Пока Европа занималась развитием своей культуры, Русским приходилось просто обороняться и это привело к культурной отсталости России. В дальнейшем русская история в значительной степени зависела от расположения речных бассейнов. История Киевской Руси есть история реки Днепра, подобно тому, как история Египта есть история Нила. Днепр был главной артерией торгового пути „из Варяг в Греки" и жизнь Киевской Руси, как торговой страны, естественно сгруппировалась около этой реки. Напротив, в Руси Суздальско-Московской такого естественного географического центра не было; здесь имеется несколько довольно независимых друг от друга речных бассейнов и это было обстоятельством, благоприятным для развития удельного строя. Москва стала центром об'единения Руси в значительной степени благодаря своему географическому положению, которое делало из нее и ее области сравнительно безопасный от набегов уголок России. Большое значение в истории каждого народа имеет, далее, положение занимаемой им территории относительно моря и характер береговой линии. Жизнь приморских народов складывается иначе, чем жизнь континентальных, а жизнь народа, занявшего большой остров, вроде Англичан, конечно, не может во всем совпадать с жизнью стран, жители которых часто всю свою жизнь моря даже не видят.

Если моря и реки в истории играют роль, главным образом, средств сообщения, которые об'единяют людей и облегчают их

общение, то горы, напротив, раз'единяют. История Швейцарии группируется около ее горных проходов. Культура горцев отличается многими особенностями от культуры жителей равнин. В горах жить труднее и борьба за существование получает здесь более острый характер. Не даром жителям Швейцарии приходилось промышлять службой в чужих странах в качестве наемных войск; к этому их побуждала скудная природа родной страны. В особенности же раз'единяют людей дремучие леса и болота. Напротив, степь создает культуру во многом отличную от культуры лесистых и обильных водою местностей. Степь является обыкновенно прибежищем кочевников-скотоводов, образ жизни которых и характер резко отличаются от свойств оседлых народов. В истории кочевники выступают в роли мировых разбойников. Они отличаются подвижным беспокойным нравом, оказываются большими любителями набегов с целью грабежа. Часто такие набеги полагают начало образованию государств с сильной властью военного типа; это бывает в том случае, если кочевники, покорившие мирный земледельческий народ, не уходят обратно с добычей, но остаются на месте, заставляют покоренных работать на себя, а, чтобы держать их в повиновении, вырабатывают особую принудительную организацию и таким образом полагают начало государству с принудительной властью и ярко выраженным сословным делением.

Люди не только стоят в зависимости от окружающей их природы, но и сами воздействуют на эту природу, перерабатывают ее, создают то, что называется материальной культурой. В результате такого воздействия географическая обстановка может сильно измениться. Так, климат России значительно изменился благодаря массовой вырубке леса. Климат стал суше, реки начали мелеть, во многих местах сводка леса освободила сыпучие пески, которые стали двигаться с холмов и заполнять прилегающие равнины. И вообще внешняя обстановка современных культурных стран с их обработанными полями, урегулированными реками, сетью соединительных каналов, искусственными плотинами, железными дорогами, телеграфными и телефонными линиями, расчищенными лесами, совершенно не походит на прежнюю природу тех же местностей. Таким образом, природа выступает в истории не только как фактор устойчивости и однообразия, но и как фактор изменения, подвергаясь сама изменениям со стороны людей.

Было бы ошибкой думать, что в течении истории связь человека с природой ослабевает. Ослабевает только зависимость человека от природы, уступающая место его власти над ней. По мере накопления знаний люди обращаются в господ окружающего их мира. Но самая связь с природой только увеличивается и

становится более всесторонней. Дело в том, что именно прогресс знания дает возможность людям использовать все более и более разнообразные стороны внешнего мира. Пока люди не были знакомы с искусством выплавки металлов, для них не представляли интереса залежи разных руд; долго не имел ценности и каменный уголь; в наше время, с развитием техники передачи энергии на расстояния, получает большое значение для людей сила падения воды; в будущей культуре предвидится широкое использование водопадов в качестве двигательной силы; начинают говорить о „белом угле", т. е. о силе падения воды как о рессурсе, который возместит исчерпывающиеся запасы черного каменного угля. Народы делятся на культурные и некультурные именно в зависимости от того, главным образом, насколько они умеют использовать в своих целях окружающий их внешний физический мир и закреплять на письме результаты работы своего знания над этим миром. Материальная культура не только делает жизнь людей более легкой, безопасной и удобной. Ее развитие в значительной степени ведет и к уравнению условий их жизни. В прежнее время жилища богачей и бедняков гораздо больше отличались друг от друга, чем теперь, когда и люди с очень скромными заработками могут жить в домах с центральным отоплением, искусственной вентиляцией и проведенной водой. В прежние времена, когда путешествия совершались на лошадях, богатые люди, передвигались верхом или в каретах, а бедняки должны были ходить пешком. В наше время и те и другие ездят по железным дорогам, причем, конечно, разница между I и III классом не так чувствительна, как разница передвижения пешком или в конном экипаже. В прежнее время только большие богачи могли питаться белым хлебом; теперь этот хлеб составляет обычную пищу западно-европейского рабочего.

Природа является фактором изменчивости не только в тех случаях, когда она перерабатывается человеком, но и при переселениях людей. Переселения всегда были важным социологическим фактором. В древности обычным явлением были массовые передвижения людей, вызываемые разными причинами. Иногда они вызывались поисками лучших мест; при слабом развитии материальной культуры размножившимся людям скоро становилось тесно жить на одном и том же месте; они не умели из той же площади земли извлечь большее количество продуктов, которое могло бы прокормить увеличившееся население. Поэтому известному количеству людей приходилось выселяться и искать новых мест. Иногда переселения вытекали из политических причин. Нередки в древней истории случаи, когда завоеватели целыми массами переселяют покоренное население

на новые места. С развитием торговли появилась новая причина передвижений людей. Купцы являются странствующим элементом человечества. В наше время переселения в большинстве случаев не имеют уже прежнего массового характера. Современные народы прочно осели на своих территориях и сроднились с ними. Поэтому странствующим характером отличаются некоторые элементы этих народов: моряки, купцы, миссионеры и т. п. Тем не менее и в новой истории мы встречаемся с массовыми переселениями, хотя иного типа, чем в древности. Большое значение в истории Европы имели, напр., передвижения евреев, которые всюду разносили некоторые особенности своего духа, и, как показал Зомбарт, в значительной степени содействовали развитию современного капитализма. Большую роль не только в религиозной, но и в экономической жизни Европы сыграли переселения, возванные религиозными гонениями. Франция потеряла в лице гугенотов крупные торгово-промышленные силы, которыми обогатилась, главным образом, Пруссия. История Северо-Американских Соединенных Штатов есть в значительной степени история европейской эмиграции.

Переселяясь в новую географическую среду, люди меняются и иногда весьма значительно. Различие южно-русского и великорусского характеров об'ясняется не только тем, что к великоруссам в значительной степени примешалась финская кровь, но и разницей природы южной и северной России. Северная Америка выработала из эмигрантов, которые стекались в нее со всех концов света, довольно однообразный тип „янки". Но не следует преувеличивать роль чисто географического фактора. Он всетаки решающего значения не имеет. Это следует уже из того, что в разные эпохи разные страны играют вовсе не одинаковую роль. Судьбы Греции в античном мире и в современном ничего общего между собою не имеют. То же самое приходится сказать о Нильской долине или об Италии. С другой стороны один и тот же народ может проживать в различной географической обстановке и сохранять все те же черты своего характера. Лучшим примером служат евреи, которые везде сохраняют свой национальный облик, хотя со времени своего рассеяния, в эпоху т. наз. диаспоры, проживают в самых различных географических условиях и среди самых разнообразных условий. По выражению Гердера, климат не принуждает, а только склоняет. Поэтому неправильно было бы разгадку всей истории искать только в географии и создавать односторонний и не покрывающий всего разнообразия социологической причинности географический монизм или географический фатализм.

Глава VI. Движение населения.

Население каждой местности почти никогда не остается постоянно в том же самом состоянии. Оно или увеличивается в своей численности, или же уменьшается. Эти явления и составляют то, что называется движением населения.

Уменьшение населения есть более редкое явление и обыкновенно служит показанием бедственного положения. Оно может быть результатом либо понижения рождаемости, либо повышения смертности, либо усиленной эмиграции, либо действия всех этих факторов сразу. Точно так же сравнительно редко приходится встречаться и с тем, что население долго остается на одном и том же численном уровне, не увеличиваясь и не уменьшаясь. Такое состояние также вызывает обыкновенно тревогу у руководящих деятелей, так как служит признаком понижения жизненной энергии народа. Так, политические деятели Франции в последние десятилетия были очень встревожены таким положением дел в своей стране. Французское население, не желая делать для своих детей более трудной борьбу за существование, сознательно стремилось ограничивать количество рождений и это приводило к тому, что население Франции не возрастало, тогда как в соседних странах происходил постоянный прирост населения; такое положение прежде всего отражалось на численности армии и уменьшало способность Франции к военной обороне.

Нормальным положением является увеличение численности населения. Этот факт имеет огромные социологические последствия и есть социологи, которые придают ему чуть ли не самое главное значение при исследовании закономерности общественных процессов. Количественное увеличение группы людей само по себе, помимо воли этих людей, вызывает важные последствия, приводит к изменениям в строении и условиях жизни человеческой группы.

Прежде всего отметим, что все социальные отношения в больших обществах получают качественно совсем иной характер, чем в маленьких. В многочисленной человеческой группе исчезает тот элемент в отношениях людей, который называется интимностью и состоит в том, что люди соприкасаются между собой всеми сторонами своего духовного существа, знают друг друга со всеми индивидуальными особенностями и дорожат именно этими особенностями. Такого рода отношения устанавливаются, напр., между членами тесно живущей семьи или близкими друзьями. В больших обществах интимность исчезает. Здесь люди сталкиваются друг с другом не так часто, и сношения их получают более определенное и ограниченное содержание. В

большом городе, если оставить в стороне семейную жизнь и отношения близких друзей, люди знают друг друга обыкновенно лишь со стороны той профессии, которой каждый из них занимается. Одно лицо известно мне, как чиновник, другое, как учитель, третье, как рабочий и т. п. При таких условиях отношения между людьми проникаются холодным деловым тоном. Они становятся абстрактными, отвлеченными. Каждый человек для другого не составляет цельной и живой человеческой личности, но представляется только известным органом безличного социального целого, в котором он отправляет определенную функцию. Теплое отношение людей друг к другу при таких условиях отходит на задний план и выдвигаются внешние, деловые сношения. В то же время самая организация численно большой человеческой группы неизбежно усложняется. Для управления, напр., большим государством требуется большое количество должностных лиц, действующих единолично или коллегиально и находящихся в различных степенях подчинения друг другу. Между этими лицами разделены различные дела управления, суда и законодательства, и только все вместе они выполняют работу государственной власти. Такая сложность организации приводит к тому, что ослабляется чувство личной ответственности и инициативы. Каждый сознает, что ведение дела зависит не от него, а от правильного функционирования всей сложной административной машины и начинает проникаться уверенностью, что он лично очень мало имеет значения, что он не ответствен за общий ход дел. В представлениях людей ведение общего дела падает не на живых людей, но на безличный социальный механизм. На этой почве могут развиться очень нежелательные явления, каков, напр., т. наз. бюрократизм. Бюрократизм состоит в том, что должностные лица забывают при своих действиях о тех конкретных жизненных задачах, которые должны удовлетворяться их деятельностью, и начинают выполнять предписанные им занятия, как нечто само для себя существующее; они забывают о населении и его нуждах и смотрят на себя, как на особый класс общества, который существует для управления, для административной работы, совершенно независимо от тех результатов, которые дает эта работа для населения. В небольших человеческих группах такой бюрократизм развиться не может, потому что люди здесь слишком близко подходят друг другу и постоянно напоминают взаимно о своих конкретных нуждах и интересах.

Возрастание населения имеет своим результатом тот факт, что одна и та же территория, на которой живет данная группа, должна прокормить большее количество людей. Если земли много, то это может привести просто к тому, что часть населения

выселяется и ищет для себя новые места жительства. Но размножение человечества приводит к тому, что такого рода выход становится все более и более трудным, так как свободных земель делается мало. Сверх того, чем люди делаются культурнее, тем больше у них возникает связей с насиженными местами, с которыми они сроднились и соединены разнообразными узами, тем труднее для них делается эмиграция. Тогда наступают весьма важные последствия возрастания густоты населения.

В более густом населении возрастает борьба за существование. Борьба эта направляется, прежде всего, на окружающий внешний физический мир. Необходимо из того же самого количества земли добыть большее количество продуктов для прокормления лишних ртов. Этого часто удается достигнуть при помощи усовершенствования технических приемов создания материальной культуры. Усовершенствованное земледелие дает больше продуктов, чем слабо развитое; соседняя с нами Германия получает со своей земли втрое больше продуктов, чем технически отсталая Россия. Развитие добывающей и обрабатывающей промышленности дает возможность эксплоатировать такие стороны окружающего мира, которыми раньше пользоваться не умели. Но для такого развития техники требуется, во первых, неустанный труд населения, предприимчивость и энергия, во вторых, достаточный запас научных знаний и технической изобретательности. Увеличение густоты населения направляет внимание людей в эту сторону и таким образом служит мощным стимулом в деле создания культуры.

Но борьба за существование происходит и между самими членами каждого данного общества. В поисках заработка они начинают конкурировать друг с другом или вступают в прямую борьбу. В подобной борьбе успех имеют те, кто оказался более сильным и приспособленным к условиям жизни. Слабые погибают, сильные и приспособленные выживают. В этом состоит то явление, которое называется естественным отбором и на котором современная биология пытается построить учение о развитии животных видов.

Следует только помнить при оценке естественного отбора в человеческих обществах, что это явление здесь происходит в несколько иных условиях, чем в мире животных. Люди, во первых, сознательно воздействуют на условия своего размножения. Они могут ослабить действие борьбы за существование и отбора, напр., искусственным сокращением количества рождений, что иногда и имеет место в действительности, как уже было указано. Во вторых, в человеческих обществах в борьбе за существование часто одерживают верх не лучшие в биологическом отношении индивиды, не самые способные и сильные,

но, напротив, слабые биологически, которые оказываются сильными социально. Дело в том, что животное ведет борьбу за существование при помощи органов своего тела. Человек же есть животное, делающее орудия. Он приготовляет себе, так сказать, искуственные органы из предметов окружающего мира, начинает бороться за существование при помощи инструментов, машин, оружия. Поэтому в человеческом мире сильнейшим оказывается не тот, кто лучше вооружен от природы, но тот у кого окажется в распоряжении больше орудий, того, что в политической экономии называется капиталом. А так как капитал распределяется между людьми на основании юридических норм о наследовании и обмене имуществ, то он часто попадает в руки биологически слабых людей, которые, пользуясь своим достатком, легко могут выжить на счет более сильных и способных. В человеческих обществах часто торжествуют богатые на счет бедных, физически слабые на счет физически сильных, духовно обделенные на счет даровитых и талантливых. Это приводит не к улучшению, а к ухудшению общества, к тому, что называется вырождением, обратным отбором.

Наконец, борьба за существование происходит между целыми социальными группами. Наиболее ярким выражением этой стороны дела бывают кровопролитные войны. Войны в истории никогда не прекращались. Менялись только поводы к ним и самые приемы вооруженной борьбы. Первоначально враждебные столкновения между общественными группами вызывались такими поводами, как кровная месть за обиды, добывание женщин и даже каннибальство. Затем эти поводы с переходом к более правильному хозяйству сменились стремлением расширить земельные владения, захватить рабов и просто грабительскими набегами. Сложившиеся в форме абсолютных монархий государства вели часто войны во имя чисто династических интересов, честолюбия правителей, стремления отвлечь внимание населения от вопросов внутренней политики. Развившийся мировой обмен создал новый повод к войнам: погоню за колониями и рынками для сбыта произведений промышленности. Приемы вооруженной борьбы менялись в зависимости от развития военной техники. При этом все расширялись размеры армии, и война принимала все более характер действия больших масс. Личная храбрость и мужество уходили на второй план и все большее значение получали такие стороны дела как искусное руководство действиями армии со стороны их штабов, как пути сообщения, дающие возможность легко перебрасывать с одного места на другое крупные воинские части и правильно снабжать их продовольствием и снарядами, как организация промышленности и общего порядка управления. Военные столкновения

оканчиваются обыкновенно в пользу тех народов, которые сумели создать для себя сплоченный и хорошо налаженный административно-промышленный механизм и проявить при его помощи то колоссальное напряжение общественных сил, которое требуется условиями военного времени. В этом смысле война является строгим экзаменом для всякого правительства.

Помимо войны между общественными группами действует и конкурренция. Государства соревнуют между собою в успехах своей торговли и промышленности, в культурном прогрессе. Они стараются отбить друг у друга рынки и местности богатые сырыми материалами. Помимо борьбы с оружием в руках, эти цели достигаются и другими более мягкими способами, причем большое значение получает хитрость и ловкость, умение приспособляться к меняющимся условиям жизни. Зомбарт делит народы на геройские (Helden) и торгашеские (Händler), смотря по тому, преобладает ли в их борьбе за существование фактор насилия или же хитрости и умения психическими средствами добиваться успеха в конкурренции.

Но не к одной только борьбе и конкурренции приводит увеличивающаяся густота населения. Одним из важных ея последствий часто бывает развитие разделения труда, которое приводит к важным результатам в жизни и структуре общества. Общество усложняется по своему составу, оно дифференцируется; в то же время взаимная связь его отдельных элементов усиливается. Социальная дифференциация обыкновенно идет рука об руку с интеграцией.

Разделение труда состоит в том, что занятия распределяются между отдельными элементами населения в качестве специальностей. Каждый член общества становится специалистом в каком нибудь деле. Отдельные хозяйства перестают быть самодовлеющими, т е. собственными силами изготовлять себе продукты, в которых они нуждаются. Каждое хозяйство начинает специально заниматься одним каким нибудь делом, например, изготовлять какие нибудь определенные продукты, сбывать их излишек другим хозяйствам и взамен этого получать изделия других хозяйств Таким образом разделение труда вызывает большую зависимость отдельных хозяйств друг от друга и развитие обмена. Хозяйство из натурального становится меновым.

Выгоды разделения труда очевидны. При этом режиме, прежде всего, все члены общества легче находят себе подходящие к силам, способностям и вкусам каждого занятия, так что общество получает возможность использовать и таких своих членов, которые прежде были для него безполезны. Напр., стариков нередко в первобытных обществах прямо убивают, так. как кормить их бывает нечем, а работать они не могут; при

разделении труда и для стариков находятся более легкие работы. Затем, каждый член общества, становясь специалистом в каком нибудь определенном деле, вырабатывает себе особую сноровку именно в этом деле и может обставить свой труд специальными техническими приспособлениями, необходимыми именно для этого труда. Это приводит к значительному повышению производительности труда. Вот почему разделение труда и оказывается одним из последствий увеличившейся густоты населения и возникающей отсюда необходимости лучше использовать окружающую природу. Общество, труд которого основан на его разделении, работает с гораздо большим успехом, чем натуральные или самодовлеющие хозяйства.

Разделение труда вызывает появление в обществе профессиональных классов. Специалисты в разных областях труда поставлены в неодинаковые условия существования. У представителей одной и той же профессии возникает много точек соприкосновения между собой; по отношению же к представителям других профессий они иногда попадают в конкурриующее или даже прямо враждебное положение. Так, земледельцы и землевладельцы заинтересованы в том, чтобы хлеб продавался возможно дороже; напротив, фабричные рабочие выигрывают от дешевой цены хлеба. На этой почве в сложных по составу обществах развивается классовая борьба. Представители каждого класса стараются оградить свои интересы и даже удовлетворить им на счет других классов. Так как этого легче добиться при помощи государственной власти, то начинается также борьба за власть или за близость к ней. При таких условиях часто возникает разница в положении классов господствующих, т. е. близко стоящих к власти и на нее влияющих, сравнительно с остальным населением. Появляются классы привилегированные, т. е. заручившееся некоторыми особенными правами и льготами. Приобретая особые юридические права и преимущества, классы могут обратиться в сословия. Если принадлежность к классам становится наследственной, выход из классов и переход из одного класса в другой затрудняется или даже совсем запрещается, то мы говорим уже о замкнутых кастах; такие касты существовали в Индии и держатся там до сих пор, или в древнем Египте. Население императорского Рима было наследственно прикреплено к своим профессиям. Наследственное тягло лежало на общественных классах и в Московской Руси. Общества, построенные таким образом, затруднены в своем развитии. Их строй делается довольно неподвижным, проникнутым вековой традицией. Разделение труда приводит к сильному разобщению друг от друга общественных классов.

Но разделение труда может явиться источником и демокра-

тизации общества, развития в нем духа гражданского равенства. Это бывает в тех случаях, когда процесс разделения труда сопровождается не усилением, но ослаблением действия общественной традиции. В таком направлении может действовать, напр., появление больших городов, которые всегда выступают врагами неподвижной традиции. В таком случае разделение труда приводит к тому, что состав общества делается разнообразным, и все эти представители различных классов и профессий, не будучи разделены друг от друга замкнутыми сословными или кастовыми перегородками, постоянно встречаются между собой и вступают в сношения. При таких условиях, с одной стороны, каждая отдельная личность начинает лучше сознавать свои собственные особенности, которые не могут не сложиться в людях именно под влиянием различных занятий и различия в образе жизни. Сознавшая свою индивидуальность человеческая личность начинает стремится к свободе. Чем больше в человеке отличий от других, тем больше простора для удовлетворения своих личных стремлений и вкусов желает он получить. Таким образом, стремление к личной свободе оказывается одним из последствий созданной разделением труда общественной дифференциации. Но в тоже время каждый специалист не может не сознавать своей собственной недостаточности не только для общественной работы в ея целом, но даже для удовлетворения собственных нужд. Он вынужден постоянно прибегать к услугам представителей других профессий. Поэтому вместе с развитием чувства личности и индивидуальной свободы, растет и чувство общественной солидарности. Развитие дифференциации, как сказано, сопровождается усилением социальной интеграции. Общество, состоящее из зависящих друг от друга специалистов, оказывается тесно сплоченным именно этой взаимной их зависимостью. Наконец, различные по своему общественному положению, по своей профессиональной подготовке, по своему образовательному уровню и по своим вкусам люди, будучи принуждены друг другу содействовать и помогать, тем самым приучаются к идее, что всякая человеческая личность имеет свою собственную ценность, что при всех различиях между собой люди формально равны в смысле равноценности, хотя и не одинаковости. На этой почве вырастает принцип демократического равноправия.

Таким образом, социальное разделение труда при разных условиях может привести к разным последствиям. Оно может быть причиной возникновения неподвижного, проникнутого трудно меняющейся традицией сословного или даже кастового общественного строя; но оно же, при других условиях, оказывается источником чувства личной свободы и принципа демо-

кратического равенства. Во всяком случае разделение труда, будучи само одним из последствий усиления густоты населения, приводит к усложнению состава общества, является важным фактором социальной эволюции.

Напротив, редкое население, особенно если оно не располагает хорошими путями сообщения, дает в результате вялый общественный процесс. Члены такой общественной группы вынуждены меньше бороться за свое существование, так как земли у них много и они получают из нея достаточно продуктов без особого напряжения хозяйственной техники. Поэтому ни техника, ни разделение труда в таких обществах не развиваются интенсивно. Нет здесь достаточных стимулов вообще для изменения условий жизни. В таких обществах поэтому темп социального развития очень замедляется. Члены их привыкают жить и трудиться в одиночку. Им нет нужды находиться в особенно интенсивном общении друг с другом, да такому общению мешает дальность растояний и плохое состояние путей сообщения. Поэтому у них не вырабатывается склонность и способность действовать сообща, подчиняться в своих действиях заранее выработанному плану и общественной дисциплине, жертвовать своими личными интересами на пользу общую. Такая непривычка к совместному действованию затрудняет общественные выступления, даже когда в них возникает настоятельная потребность, напр., когда приходится выступать против общего врага. В таких случаях члены общества с вялой социальной жизнью обнаруживают обыкновенно неумение об'единяться и организоваться. У них не оказывается популярных вождей, которые внушали бы к себе общее доверие; у них нет умения распределять между собой различные роли в общем деле и соглашаться на какой нибудь общей программе. Начинаются дрязги и ссоры на почве личных счетов и принципиальных разногласий. Никто не доверяет своему соседу; так как все привыкли жить частными интересами и мало заботиться об общем деле, то никто не верит, что его сосед в нужный момент принесет свою жертву на пользу общую, а при таких условиях ни у кого не развивается дух самопожертвования и готовность рисковать. Всякий разсуждает так: если я пойду сам в момент опасности и принесу известную жертву, то сосед мой наверное не пойдет, я останусь одиноким со своим выступлением. Поэтому лучше и я освобожу себя от риска и займусь своими личными делами. Это приводит к тому, что подобное несплоченное и вялое общество легко делается добычей какого нибудь внешнего врага или из себя самого порождает гнетущий деспотизм центральной власти. Властная организация забирает в свои руки все общественные дела и, не встречая сопротивления в распы-

ленном обществе, начинает всячески его угнетать и эксплоатировать, при чем все это делается не столько в интересах управляемого населения, сколько в интересах лиц, так или иначе пристроившихся ко власти. В этом заключается один из главных источников всякого политического деспотизма, а также и того явления, с которым мы уже отчасти познакомились и которое называется бюрократизацией управления. Хорошую иллюстрацию ко всему изложенному может представить процесс усиления царской власти и приказного управления в Московской, а затем и Петербургской Руси. Единодержавие было вызвано интересами военной обороны страны. Не встречая отпора своим притязаниям со стороны редкого, распыленного и несплоченного населения, центральная власть чрезмерно усилилась, подавила всякую общественную самодеятельность, и в России пышно расцвел деспотизм и бюрократизм.

Глава VII. Общественная традиция.

С этим термином нам уже не раз приходилось встречаться в предыдущем изложении. Так называются те навыки, которые сложились в известном обществе и которыми в значительной степени определяется жизнь и поведение его членов. Живым существам, как мы знаем, свойственна способность создавать привычки; привычный образ действия механизируется, уходит в подсознательную область и выполняется человеком без участия контролирующей работы сознания, без размышления. Такие привычки создают себе и целые общества. На почве воспитания младших поколений старшими образуется запас идей и приемов действования, которые становятся привычными, с которыми постоянно приходится встречаться в общественной жизни. У людей имеется известная косность мысли и действия. Они предпочитают всегда освобождать себя от лишнего размышления и риска. Поэтому, если есть возможность удовлетворить известной потребности, идя по проложенному уже и испытанному другими пути, человек обыкновенно отдает предпочтение этому пути, хотя бы следование по нему сопряжено было с известными неудобствами, хотя бы теоретически этот путь являлся вовсе не самым лучшим. Происходит тот самый духовный процесс, который заставляет нас, проходя, напр., через лес, держаться протоптанной в нем тропинки, несмотря на все ея капризные и часто об'ективно ненужные и только удлинняющие путь изгибы; мы идем по этой тропинке просто потому, что она есть, потому что следование ей избавляет нас от труда сознательно отыскивать дорогу и от риска заблудиться. Общественная традиция тем только существенно отличается от лесной тропинки,

что в ней всегда имеется известная доля принудительности, императивности: по тропинке в лесу для нас идти необязательно, общественной же традиции мы до известной степени вынуждаемся подчиняться. Дело в том, что члены общества, в котором выработались традиции, привыкают встречаться с таким традиционным поведением и в известных случаях жизни ожидают его друг от друга, строя на этом свои расчеты. Если эти ожидания обманываются, если член общества начинает вести себя не так, как „это принято" в данном обществе, как от него ожидается, то такое поведение раздражает окружающих и даже просто может оказаться для них невыгодным и опасным, нарушая все их расчеты. Так напр., если купец в своем поведении не считается с теми традициями, которыми определяется между купцами порядок доставки товаров или взаимных расчетов, то это может нанести существенный ущерб всем, кто с ним вступает в сношения. Такой нарушитель торговых традиций и обыкновений потеряет кредит, его начнут избегать, поведение его будет осуждаться. Да и вообще люди не любят, когда кто нибудь начинает выделяться своим поведением, ведет себя так, как будто он умнее всех окружающих. Мощным оплотом традиций всегда бывает идея, что мы не умнее наших предков: если деды наши так жили, то почему же мы станем создавать для себя какой то иной уклад.

Благодаря всем этим факторам, общественная традиция может достигнуть очень большой силы и в значительной степени сделать устойчивым покоящийся на ней общественный уклад. Традиционные порядки часто отличаются очень большой прочностью и их не так-то легко изменить. Между тем изменения прочных традиций часто бывают существенно необходимыми. Общество живет, состояние его меняется часто даже совершенно независимо от воли людей. Мы только что видели, к каким изменениям в жизни общества приводит такой фактор, как рост населения. Строение общества под влиянием этого фактора усложняется, отправления как всего общества, так и его отдельных членов меняются. Традиции, сложившиеся при ином укладе, становятся неподходящими к новому и если продолжают упорно держаться, то могут оказаться очень вредными. Да и помимо таких независящих от воли человека изменений общественной жизни, человеческая мысль может придти к заключению о ложности и вреде известной традиции, которой закреплены неправильные идеи или невполне целесообразные приемы действования. В таких случаях начинается сознательная критика устарелой традиции. К счастью, традиции, хотя отличаются иногда большой силой сопротивления, всетаки допускают борьбу с собой, и традиционный уклад жизни может

меняться. Традиция не так прочна, как инстинкт. Инстинкт является результатом биологического приспособления и наследственности; он коренится в самом строении живого организма и изменить его можно лишь путем перемены этого строения, что достигается лишь очень длительным путем. Традиция же есть явление духовное; она возникает путем воздействия старших поколений на младшие и, как все духовные явления, более пластична и изменчива. Устройство человеческих обществ определяется в значительной мере не инстинктом, но традициями, а потому оно может меняться и постоянно меняется, уступая отчасти силам, действующим независимо от человеческой воли и размышления, отчасти же действию разрушительной критики, исходящей от человеческой сознательной мысли. Вот почему человеческие общества имеют историю, которой мы не встречаем в обществах животных. Пчелы сооружают свои ульи, муравьи организуют муравейники теперь совершенно так, как и тысячи лет тому назад; структура же человеческих обществ постоянно меняется, хотя темп этих изменений, конечно, бывает весьма различен. Встречаются такие общества, где берет перевес традиция и которые поэтому пребывают в состоянии сравнительного застоя; но бывают и такие положения, когда жизнь общества получает бурный революционный характер, традиция ослабевает и общество быстро переходит к самым радикальным изменениям и потрясениям своего уклада иногда в самых глубоких его основах.

Из этого не следует, конечно, чтобы традиция сама по себе и всегда была вредным явлением. Напротив, традиция в общественной жизни так же полезна, как привычки и навыки в жизни индивида. Мы видели, что польза привычек состоит в том, что их образование, разгружая сознание, тем самым дает простор его работе над другими проблемами. Совершенно то же самое делает общественная традиция для работы общественной мысли. Сверх того, традиция придает известную устойчивость и обеспеченность общественным отношениям. Если бы не было традиций, то людям трудно было бы что нибудь предусматривать в общественных отношениях и строить какие нибудь планы на будущее. Эти планы возможны лишь тогда, когда люди наперед знают, хотя бы в известной степени, чего им приходится ожидать от других людей, с какого рода поведением и образом мыслей им придется встретиться в том или ином случае. А такая уверенность может появиться только на почве устойчивых общественных традиций.

Традиция становится вредной лишь в том случае, когда она оказывается слишком закоренелой и не отвечает изменившимся условиям жизни. Против такой традиции приходится вести

борьбу, так как она препятствует удовлетворению назревших потребностей. В защиту традиций, помимо вообще присущаго людям духа косности, выступают еще представители тех общественных классов, которым почему либо оказывается выгодна традиция, интересам которых общественная традиция служит. Эти классы обыкновенно поднимают борьбу в защиту „священных и неприкосновенных прав". На самом деле, конечно, никаких священных прав в абсолютном смысле нет. Все дела человеческие имеют относительную ценность и нет такого социального института или обыкновения, которые не подлежали бы время от времени пересмотру, реформе или даже полному уничтожению в связи с меняющимися условиями жизни и с изменением представлений о справедливости. Вся задача разумного политика состоит в том, чтобы найти правильный путь между через чур упорной традицией и слишком поспешными и радикальными преобразованиями, которые могут оказаться и недостаточно продуманными и превышающими силы данного общества на данном его культурном и общественном уровне.

Традиция проникает собой решительно все области общественной жизни, конечно, в разной степени и с неодинаковой силой устойчивости.

Очень упорным характером отличается традиция в религиозной области. Как догматы, так, в особенности, культы всегда чрезвычайно устойчивы. Это об'ясняется тем, что в догматах видят откровение Божественной воли, которое представляется неизменным и не подлежит человеческой критике. Что же касается культа, обрядов, то с ними всегда связывается таинственная, до известной степени чудодейственная сила. Поэтому здесь всякая мелочь представляется имеющей значение. У древних римлян при жертвоприношениях употреблялся каменный нож, хотя с давних пор в обращение вошли металлические; при заключении брака употребляли хлеб из неочищенной муки, какую изготовляли в глубокой древности. Католическое и православное духовенство до сих пор ходит в одежде очень древнего покроя и только протестанские пасторы заменили ее более современными сюртуками. — В области права традиция также имеет огромное значение. Источником права является не только закон, но и обычай. Обычай же есть чистое проявление общественной традиции. Известный образ действия, долго применяющийся на практике, становится традиционным и потому обязательным; мы уже видели, что общественной традиции присуща императивность. Если государственные суды начинают пользоваться таким привычным для населения правилом поведения для решения юридических споров, то это правило тем самым обращается в норму права. Сила такой нормы покоится

не на повелении власти, но только на привычке к ней населения, которая и придает ей обязательность. Если же правило не получает применения в судах, то оно составляет норму не права, а общественных нравов, именуется не юридическим, но бытовым обычаем. За соблюдением его следит общественное мнение и иногда следит весьма строго, так что люди, которые не считаются с общепринятыми нравами, вызывают общественное порицание и даже преследование со стороны общества. Таков характер всех общественных приличий и правил вежливости. Человек, который не считается с принятыми в обществе приличиями, может быть даже исключен из общественной среды. Иногда юридические обычаи и бытовые нормы поведения ведут свое начало от такой глубокой старины, что происхождение их мало понятно, и для об'яснений их приходится производить целыя изследования. Так, поминальные обеды, которые до сих пор практикуются в некоторых кругах общества, являются несомненными остатками древней религиозной тризны по умершим.—С действием традиции приходится считаться даже в таких областях, как промышленная и торговая техника и наука. Превосходство современных немцев перед англичанами в международной торговле состоит в том, что немцы оказываются не в такой степени, как англичане, связаны традиционными приемами и легче англичан приспособляются ко вкусам иностранных потребителей и купцов. Точно также и в промышленности традиция часто мешает введению полевых усовершенствований. Русский крестьянин потому с таким трудом отрешается от традиционного трехпольного хозяйства, несмотря на его слабую продуктивность, что этому мешает его вековой навык, то обстоятельство, что ни он, ни окружающие его люди не могут даже представить себе иного способа ведения сельского хозяйства. В науке также имеются свои традиции, с которыми бороться не легко. Часто новое открытие долго не находит себе общего признания, потому что оно не вяжется с традиционным мировоззрением ученой братьи. Очень долго, не смотря на все успехи научного знания, даже ученые люди не могли отрешиться от веры в чудеса и в колдовство; эта вера держалась среди ученых еще в XVIII столетии. Долго не могла наука отрешиться и от антропоцентрических и геоцентрических представлений, т. е. от взглядов, полагавших землю центром вселенной и человека целью всего мироздания. И в наше время в области этики и философии истории подобные взгляды еще сильно дают себя чувствовать, хотя успехи астрономии давно должны были показать истинное место человека и его обиталища — земли — во вселенной.

Традиция с неодинаковой силой проявляет свое действие в

различных общественных классах, у разных народов и в разные исторические эпохи. Бывают народы с более консервативным складом характера, которые любовно относятся к своему прошлому и не легко решаются на перестройку своих общественных отношений. У таких народов весь ход социально-политического развития получает характер постепенной и сравнительно мирной эволюции. Среди современных народов таким характером отличаются англичане. Бывают, напротив, народы, склонные к радикальным переворотам революционного характера. На такой путь вступила Франция в конце XVIII столетия. После великой революции Франции пришлось пережить еще три революции: в 1830, 1848 и 1871 годах. Но и при революционных переворотах приходится считаться с действием традиции. Революции никогда не удается вполне направить жизнь общества на новый путь. Когда остывает революционный порыв, традиция заявляет о своих правах и оживляет многое из старого уклада, временно устраненное революцией. Вот почему каждая революция сменяется реакцией в более или менее сильной степени.

Различные классы общества не в одинаковой степени подчиняются силе традиции. Наиболее консервативны, по общему правилу, классы сельские, как крупные, так и мелкие землевладельцы. Более склонны к переменам городские классы, а рабочий пролетариат больших городов обыкновенно является наиболее подходящим оплотом для революционных движений. Эти различия сами собой вытекают из условий жизни и занятий представителей этих общественных классов.

Крестьянское население обыкновенно отличается большим консерватизмом. Это об'ясняется тем что людям приходится всю свою жизнь трудится на одном и том же месте, ограничиваясь общением в очень узком кругу. Обрабатывая свою землю, крестьянин стоит в большой зависимости от природы, условия которой мало меняются и которая создает для его деятельности вполне определенные рамки, так что каждый шаг земледельца является наперед предопределенным временем года и состоянием погоды. Это создает над крестьянином особую устойчивую „власть земли", ярко описаную Г. И. Успенским в его очерках того же имени. Прочная традиция, столь же мало подвижная, как и природа, под влиянием которой она сложилась, опутывает крестьянина со всех сторон и держит его во власти стародавних порядков.—Консервативным классом общества являются и крупные землевладельцы. Этим людям приходится иметь дело, главным образом, с недвижимым капиталом, который не приобретается их личными усилиями, но достается по наследству. Условия ведения сельского хозяйства довольно устойчивы и не требуют большого напряжения че-

ловеческой изобретательности; здесь обыкновенно достаточно держаться раз заведенного порядка. Особенно интенсивного общения с представителями других классов и местностей сельскому хозяину также не приходится иметь; поэтому кругозор его не может быть очень широким. Поэтому и для этого класса сохранение существующего порядка представляется обыкновенно и самым выгодным и наиболее естественным. Крестьянство иногда способно к стихийным выступлениям, когда его интересы чем-нибудь чувствительно нарушены. Крупные же землевладельцы по общему правилу выступают в качестве упорных защитников старого, традиционного порядка вещей.- Гораздо более подвижны городские классы. Здесь создаются такие занятия, которые сами по себе способствуют подвижности мысли и расширению горизонта. Такое значение имеет торговля, которая заставляет путешествовать, присматриваться к чужим порядкам и к характерам иноземцев. Это приводит всегда к мысли об относительности всех человеческих установлений и об их изменчивости, пробуждает критическое отношение к укладу жизни на родине. Затем обращение с движимым капиталом само по себе требует от человека большей подвижности мысли и воли, так как здесь постоянно приходится считаться с меняющимися условиями рынка. Если купец и промышленник не производит улучшений и изменений в своем деле в зависимости от изменяющихся условий жизни, то он рискует разориться. Далее, появление больших городов само по себе создает важный фактор, подрывающий господство традиций.

Большие города в значительной степени пополняются наплывом населения из деревни. Сюда следовательно прибывает молодежь, оторванная от старших поколений и попадающая в совершенно новые условия жизни. Таким образом, ослабевает влияние старших поколений на младшие, которое служит главным источником поддержания прочной традиции. Затем, в больших городских центрах ослабевает сила общественного контроля за поведением отдельных жителей. В небольших поселениях вся жизнь обывателя протекает на глазах его соседей и каждый шаг его находится под строгим их контролем. При таких условиях требуется большое мужество и независимость характера, чтобы решиться жить не так, как все живут. В больших же городах часто даже ближайшие соседи не имеют понятия о взаимной жизни; здесь гораздо легче создавать для себя особый уклад жизни, идти новыми оригинальными путями. Наконец, в больших городах встречаются между собой представители самых различных профессий, классов, даже национальностей, сталкиваются разнообразные нравы и обычаи. Это

не может не наводить мысль на сопоставление различных нравов, а такое сопоставление непременно будит критическую мысль. Сверх того, столкновение постоянных контрастов богатства и бедности служит к разжиганию классовой вражды. Вот почему представители городских классов обыкновенно отличаются либерализмом, являются сторонниками свободы, которая необходима для людей, работающих движимым капиталом. Что же касается городского пролетариата, то он обычно настроен радикально и в его среде имеют успех программы, настаивающие на социальном равенстве, на уничтожении преобладания имущих классов и вообще неравномерного распределения богатств.

Глава VIII. Идеи и изобретения.

Мы уже отмечали, что нет такой сильной и упорной традиции, которая бы рано или поздно не дрогнула под натиском изменившихся условий и враждебных ей течений. Эти течения иногда возникают независимо от воли людей. Было уже указано что, например, прирост населения и увеличение его густоты сами по себе меняют условия общественной жизни и делают неудобным и невыгодным тот уклад, который сложился при небольшом—численно и редком—пространственно населении. Такие процессы заставляют людей задумываться над новым устройством жизни и изобретать разные усовершенствования технического и социального характера. Но и помимо такого давления жизни, человеческая мысль, раз пробудившись, критически работает. По мере накопления знаний появляются идеи и изобретения, которые оказывают влияние на действия людей, заставляют их жить по иному и приводят к тому, что старые традиционные порядки оказываются для них стеснительными, мешают выполнять действия, пользу которых открыло им размышление и знание. Тогда начинается сознательная критика традиции и борьба с ней. Борьба эта бывает иногда очень тяжела и требует от первых пионеров новой идеи большого мужества и жертв.

Каждая новая идея, конечно, опирается на всю ту сумму знаний, которой располагали люди до ея появления. Но она представляет собой не простую новую комбинацию старых традиций, а нечто качественно новое, нечто такое, чего прежде не было. Поэтому для создания новых идей требуется наличность теоретических способностей; не все люди могут быть изобретателями нового. Однако, новые идеи не всегда зарождаются в какой нибудь единичной голове. Следует различать два вида творчества: массовое и индивидуальное. Массовое творчество

состоит в том что меняющиеся условия жизни заставляют сразу целые массы людей, живущих в одинаковых условиях, искать себе новых путей. Появляются новые потребности, которые нуждаются в удовлетворении, и рядовые люди принуждены нащупывать способы для этого. Никаких крупных изобретений при этом не совершается, но происходит процесс неприметного для наблюдателя изыскивания новых путей при помощи слабых попыток отдельных личностей, которые встречают подражание со стороны других, прибавляющих кое-что и от себя. Так в течение иногда очень длительного прецесса жизнь существенно меняет свой характер, но мы не можем указать тех лиц, которые являются инициаторами перемены. В таких случаях мы и говорим о массовом творчестве. С такого рода творчеством исключительно мы встречаемся в эпохи слабо еще развитой культуры, когда вообще отдельные сильные личности мало выделяются из окружающей общественной среды. Мы уже имели случай отметить, что сознающая себя и свои особенности личность, дорожащая своей свободой и пролагающая для себя новые пути, является сравнительно поздним продуктом общественного развития. Такая личность не может появиться в обществе, однородном по своему составу, в котором все члены живут одинаковым бытом, занимаются одинаковыми профессиями и получают одинаковое образование от окружающей их общественной среды. Только общественное разделение труда вносит в состав общества то разнообразие занятий, общественного положения, воспитания и образования, на почве которого могут возникнуть достаточно яркие индивидуальные различия между людьми и появиться самостоятельная творческая личность. Таким образом, правильным является парадоксально звучащее положение, что общество древнее личности. Оно правильно в том смысле, что личность не в качестве биологической единицы, не в качестве просто отдельного человека, а в качестве существа, сознающего свои духовные особенности, дорожащего ими и отстаивающего свою свободу, есть продукт сложного и длительного общественного развития.

Раз появилась такая личность, ход общественного развития ускоряется. В голове творческой личности, особенно даровитой, сравнительно легко возникают те новые синтезы, мысли и чувства, которые называются новыми идеями и изобретениями. Такая личность выступает в качестве критика и разрушителя традиции, стремится идти вперед по пути завоевания новых знаний и создания новых стремлений и идеалов. Новые идеи, которые создаются изобретателями, конечно не сразу получают общественное значение, становятся социальными силами. Для этого идея должна завоевать себе сторонников, приобрести по-

следователей и защитников. В этом направлении начинает действовать подражение. Мы уже замечали, что человеку от природы свойственна склонность к подражанию и что без помощи подражания не было бы возможно вообще никакое взаимное понимание между людьми. Подражание бывает часто совершенно несознательным, некритическим, вытекает просто из присущей человеку наклонности повторять действия, образцы которых он видит перед собой. В этих случаях подражание может быть и очень вредно для людей. Но возможно подражание сознательное, критическое, основанное на убеждении человека в доброкачественности того образца, который вызывает его подражание. Новой идее всего труднее найти первых сознательных подражателей, потому что для такого подражания требуется и достаточная работа критической мысли, и достаточное мужество, необходимое, чтобы пойти против вековой традиции, начать вести себя по новому образцу, не так, как ведут себя другие люди. Вот почему первые адепты новой идеи появляются обыкновенно в небольшом количестве и собираются довольно медленно. При таких условиях каждая новая идея могла бы быть легко задушена враждебной ей традицией и теми людьми, для которых выгодно сохранение этой традиции, если бы не действовало одно обстоятельство, которое облегчает первоначальное распространение новых идей. Это обстоятельство состоит в том, что новая идея, которая еще не успела приобрести себе большого числа сторонников, долгое время пребывает в скрытом состоянии, находится, так сказать, под порогом общественного сознания. По просту, на нее мало обращают внимания; она не представляется опасной общественной силой. На ея изобретателя и поклонников часто долго смотрят, как на не особенно опасных чудаков, с которыми не стоит бороться, или же просто не замечают их деятельности. За это время идея успевает назреть, завербовать себе достаточное количество последователей и тогда только выступает в качестве новой социальной силы, полагает начало более или менее интенсивному общественному течению. В этот момент идее приходится уже вступить в бой с традицией, защитники которой не пожалеют усилий для того, чтобы воспрепятствовать ея распространению и изменению жизни в ея духе. Борьба с традицией иногда приобретает ожесточенный характер и вызывает жертвы. Достаточно припомнить сколько насчитывает история мучеников за новые идеи и верования. Гибнут в этой борьбе и сами инициаторы движения, гибнут иногда массами и их последователи. В особенности ожесточенный характер борьба получает в области религиозных и политических убеждений. Гонения религиозного характера переполняют собой страницы истории. Массами гибнули христиане

от язычников, а затем восторжествовавшее христианство само воздвигло жестокие гонения сперва на язычников, а затем на еретиков, наконец, на ведьм и колдунов. Политические революции также отличаются иногда большой жестокостью и приводят к режиму террора или кровопролитных гражданских войн. И даже научные открытия, как показывает судьба хотя бы Галилея, могут оказаться достаточным поводом для жестокого преследования человека сторонниками традиции.

Интересно отметить, что при распространении в массах и в борьбе с традицией новая идея непременно сама претерпевает известное изменение. В качестве массового достояния она никогда не выступает в том самом виде, в котором сложилась в голове своего изобретателя. Так, проповедь новой религии порождает в массах такие верования, которые никогда не осуществляют в чистом виде учения основателя религии. Дело в том, что идея, чтобы быть усвоенной массами, должна так или иначе приспособиться к уровню их понимания и ко вкусам массы; а этот уровень и вкусы никогда не совпадают с уровнем культурного развития самого изобретателя. В массах сила традиции всегда больше, чем в их вождях; и идее приходится сделать уступки этой традиции, пойти с ней на известный компромисс. Вот почему новые религии, распространяясь в массах, всегда в значительной степени проникаются элементами, традиционно переходящими в них из старых верований и оказывающимися еще в достаточной степени жизнеспособными. Так, христианство, распространяясь среди народных масс, постепенно возрождало в себе некоторые элементы язычества. Языческие боги стали воскресать в лице христианских святых, между которыми стали распределяться аттрибуты и предметы ведения этих богов. Другие же боги нашли себе убежище в популярных верованиях в нечистую силу; они обратились в чертей и в таком виде сохранили свое существование.

Новой идее иногда приходится вступать в борьбу не с одной только традицией. Могут рядом с ней оказаться конкурентные идеи, с которыми приходится также выдержать борьбу. Происходит то явление, которое Тард окрестил именем поединков идей. В таком поединке исход может быть совершенно различен. Возможно, что одно изобретение одержит полную победу над другим. Так на наших глазах, повидимому, воздушные аппараты, основанные на принципе „тяжелее воздуха“ приближаются к окончательной победе над воздушными шарами. Возможно, что две идеи вступят между собой в компромисс, известным образом разграничат между собой область применения. Так размежевываются в наше время электрический и паровой транспорт: на небольших растояниях преобладают электрические

железные дороги, на больших—паровые. Бывают и такие случаи что борьба двух конкурентных идей разрешается каким нибудь новым синтезом, который устраняет и заменяет собой обе эти идеи. Так борьба неоплатонизма с язычеством была устранена торжеством христианства, которое вытеснило собой как язычество, так и мистические учения неоплатоников.

И старую традицию новая идея побеждает обыкновенно не вполне. Мы уже указывали, что, даже одерживая победу над традицией, новая идея обыкновенно утрачивает свою первоначальную чистоту и проникается до известной степени элементами старого порядка; в этом нас убедил пример христианства, пропитавшегося некоторыми элементами языческих верований. Бывает и так, что старая традиция сохраняет свое значение в виде вспомогательного придатка к новому изобретению. Так, появление железных дорог и пароходов не уничтожило вполне старых способов перевозки на лошадях и под парусами; они сохранили подсобное значение при перевозках на небольших расстояниях, в качестве под'ездных путей. Иногда старая традиция сохраняется в виде местного обыкновения. Не все местности и не все классы общества в одинаковой степени подчиняются влиянию новых идей. Старый порядок часто продолжает жить в качестве обычая известного класса или местности. В деревнях часто долго держатся обряды и обычаи, исчезнувшие уже в городах. Среди купечества и мещанства можно встретиться с нравами, которых давно перестало придерживаться более образованное общество. В глухих местах долго держатся поверия и обороты речи, от которых успела уже отвыкнуть и отказаться вся страна. Наконец, иногда старая традиция сохраняется, как простая видимость, как обряд, лишившийся всякого реального значения и жизненного содержания. Римляне давно перестали добывать себе жен посредством похищения их у соседних народцев; тем не менее при заключении брака сохранились обряды, живо напоминающие на такое умыкание жены. Такого рода явления называются переживаниями; по ним иногда историки могут делать ценные выводы относительно общественных порядков таких эпох, от которых прямых исторических сведений не дошло. Так, историю развития римского завещания удается восстановить на основании внимательного анализа той формы, в которой завещание совершалось в позднейшие времена и в которой сохранились наслоения от различных эпох, от различных этапов, пройденных завещанием в своем развитии.

Если с новой идеей связывается ожидание благотворных результатов, к которым приведет ея реализация, то с идеей соединяется чувство, которое и придает ей действенную силу. Идея, согретая чувством, обращается в общественный идеал.

Идеалы возбуждают человеческие массы и становятся мощным фактором исторического процесса. При этом с идеей происходит то видоизменение, что, обратившись в общепризнанный и вызывающий широкое сочувствие идеал, она перестает уже нуждаться в рациональном обосновании. Ходячий идеал не нуждается в доказательствах, он усваивается массами, как нечто само собою разумеющееся, как непоколебимое верование, как догмат. В такой форме идея может приобрести тиранническую власть над людьми. Люди настолько проникаются преданностью известной идее, что они не допускают никаких сомнений в ея правильности и даже никакой ея критики. Такое отношение к идее называется фанатизмом. Голова фанатика, так сказать, вся наполнена известной идеей. В ея свете он все воспринимает и не видит ничего, что противоречило бы его вере в ея истинность. Фанатизм придает людям большую решительность в поступках и делает их страшно нетерпимыми ко всем, кто не разделяет их образа мысли. Фанатики упорно стремятся преобразовать жизнь в духе своего идеала и только жестокое сопротивление действительности, которая не укладывается в их схемы, заставляет их рано или поздно уступить или погибнуть в борьбе за нереализуемые идеалы.

Общественная жизнь очень сложна; трудно вперед учесть все те факторы ея, с которыми придется иметь дело, когда мы начинаем воздействовать на нее в известном направлении. Да и знания наши в этой области до сих пор отличаются большой недостаточностью, а раньше были еще более скудными. Поэтому все наши общественные идеи заключают в себе известную односторонность и никогда вполне правильными не бывают. Как бы мы осторожно не вырабатывали наши планы воздействия на общественную жизнь и ея реформирования, в них неизбежно окажутся те или иные ошибки. К этому следует прибавить, что сама общественная действительность никогда не остается в одном и том же положении. Мы знаем, что человеческое общество не есть какакая нибудь устойчивая вещь, но по самому своему существу есть текучий процесс духовного взаимодействия людей. Общество живет и развивается часто совершенно независимо от сознательной воли входящих в его состав людей. Поэтому всякая более или менее основательная общественная реформа, для проведения которой в жизнь требуется время, осуществляется не в том состоянии общества, при котором она была задумана. Самый процесс реформирования обыкновенно настолько будоражит общество, что в жизни его происходят изменения, вызванные фактом реформирования. Особенно серьезны бывают эти изменения, если реформа проводится решительными и резкими приемами, приобретает рево-

люционный характер. Взволнованное такими приемами воздействия общество реагирует на них по своему и под влиянием пережитых потрясений неизбежно меняется. В силу всех этих причин, никакая общественная реформа не дает именно тех самых результатов, которые от нея ожидались. Она может в конечном счете совсем не удасться и вызвать результаты диаметрально противоположные ожидаемым, может удасться только в известной части и рядом с результатами ожидаемыми привести к неожиданным последствиям. Так, история изобилует примерами неудачных экономических мероприятий, которые вызывали последствия, прямо противоположные ожиданиям экономических и политических деятелей. Всякого рода таксы, которые вводились в разные времена и в разных странах для борьбы с дороговизной жизни, сплошь и рядом приводили к тому, что товары совсем исчезали с рынка и дороговизна возрастала или даже сменялась полным отсутствием необходимого для людей продукта. Такого же рода примеры дает нам и политическая деятельность людей. Здесь мы на каждом шагу встречаемся с непредвиденными последствиями таких действий людей, при совершении которых никто об этих последствиях не думал.

Самое появление государства было обыкновенно именно таким непредвиденным событием в жизни людей. Государство, как оседлое общество с имеющей принудительный характер центральною властью, людьми не изобретено сознательно. Оно само собою выросло из таких действий людей, которыми вовсе не имели в виду создать государство уже потому, что совершавшие их люди о государстве не имели еще никакого понятия. Так, часто государства возникали в результате набега хищного кочевого племени на мирное земледельческое. Если номады одержав победу, не уходили обратно с захваченной добычей, но нападали на мысль остаться на месте для того, чтобы заставить работать на себя покоренное население, то им приходилось создать прочную организацию военного господства и появлявшаяся таким образом сильная центральная власть получала все признаки власти государственной, а общество распадалось на правящее сословие завоевателей и подчиненные сословия завоеванных. И в истории сложившихся государств подобные процессы постоянно имеют место. Французские короли, опираясь на городское население в своей борьбе с феодалами для усиления королевской власти, не подозревали, конечно, что они содействуют росту и укреплению того самого „третьего сословия", которое впоследствии произвело великую революцию и уничтожило королевский абсолютизм. Французские якобинцы, организуя сильную армию для защиты революции от натиска внешних врагов, конечно, не могли предвидеть, что эта армия выд-

винет из себя Наполеона, который положит конец революционному процессу своей военной диктатурой. И таких примеров можно привести массу. Вся история наполнена наступлением таких последствий, которых не предвидели и не могли предвидеть исторические деятели.

Вундт дал этому явлению имя гетерогонии цепей. Это слово буквально означает зарождение целей извне. Этим Вундт хочет сказать, что подобное наступление последствий, которых не ожидали исторические деятели, заставляет людей, считаясь с этими неожиданностями, ставить себе новые цели, возникающие независимо от их воли и не входящие в их первоначальные рассчеты. Отсюда следует, что исторический процесс далеко не всецело определяется сознательной деятельностью людей, не укладывается целиком в человеческие планы и рассчеты. Многое в истории создается помимо человеческой воли, факторами, которыми людям не удается овладеть. В общественной жизни, как и во всяком процессе природы, действует своя собственная закономерность, не людьми установленная и от людей не зависящая. Если мы хотим иметь успех в нашей общественной деятельности, то мы непременно должны изучать эту закономерность и считаться с нею. Чем полнее будут наши знания в этой области, тем успешнее окажутся и все наши практические мероприятия в политической и общественной жизни. В этой области, как и повсюду, вполне правильно известное положение Огюста Конта, что знание дает предвидение, а из предвидения вытекает могущество.

Глава IX. Дух времени.

В результате духовного взаимодействия людей вырабатывается известный фонд идей, которые пользуются более или менее общим признанием, и чувств, которые имеют более или менее широкое распространение. Этот запас идей и чувств, составляет содержание так наз. общественного сознания. Вместилищем общественного сознания, конечно, являются психики отдельных участников общества. Тем не менее об общественном сознании можно говорить как о реально существующем факте, потому что содержание идей и чувствований, его составляющих, есть плод работы не этих именно людей, но взаимодействия, составляющего общественную жизнь. В этом взаимодействии деятелями являются не только наличные члены общества, но и предыдущие поколения, которые давно сошли со сцены, оставив в том или ином виде закрепленные продукты своей деятельности. Каждый член общества заимствует из окружающей среды эти идеи и чувствования уже в готовом виде, он их воспри-

нимает, как нечто об'ективно данное, не ему лично принадлежащее. Содержание общественного сознания усваивается участниками общества при посредстве воспитания, образования и простого общения с другими людьми. Научные истины, ходячие суеверия, религиозные догматы, общепринятые манеры и приемы поведения, все это заимствуется человеком из общественного сознания. И чем зауряднее человеческая личность, чем меньше способна она к самостоятельному, оригинальному творчеству, тем больший процент ея духовных содержаний оказывается заимствованным из общественного сознания. Многие содержания последнего имеют, как мы убедились раньше, даже императивный характер. Общество требует, чтобы мы подчинялись общепринятым нравам и обычаям, чтобы мы разделяли ходячие верования, чтобы мы не спорили с общепризнанными истинами. Люди, которые выступают против всего этого, в большей или меньшей степени вызывают против себя раздражение окружающих и могут стать жертвами общественного негодования и преследования.

Даже, если мы присмотримся к так наз. великим людям, то должны будем признать, что и они стоят в сильной зависимости от окружающей общественной среды. Великими людьми в точном смысле этого слова являются те личности, которые одарены от природы особенно сильной психикой, которые в значительной степени наделены способностью к самостоятельному, оригинальному творчеству. Эти люди обогащают человечество новыми синтезами научной мысли, создают производящие чарующее эстетическое впечатление произведения художественной фантазии, изобретают ценные технические усовершенствования, создают удачные политические преобразования, с успехом руководят военными действиями и т. п. Их личность, несомненно, оказывает влияние на ход общественных процессов. И тем не менее, и они всегда являются детьми своего времени, проникнуты его духом. Было бы несомненной крайностью утверждение, что в истории в сущности нет никаких великих людей, что если бы не было Наполеона, то, как утверждает один из современных ученых, роль его с успехом выполнил бы любой из его маршалов. Наполеон, конечно, внес в историю нечто свое суб'ективное; быть может, основного хода событий он изменить и не смог бы, но он придал этим событиям до известной степени колорит своей личности, выступил, как один из самостоятельных факторов в их течении. Спенсер прав, говоря, что Ньютоны не рождаются среди готтентотов и Мильтоны среди папуасов. Но на это можно с полным основанием сделать и то замечание, что не все англичане XVII века родились Ньютонами или Мильтонами. Гений есть все-таки биологическая слу-

чайность, так как предполагает особенно удачное сочетание психических свойств, получающееся в результате во многом для нас еще таинственных процессов наследственности. Тем не менее, верно то, что Ньютон и Мильтон могли подарить человечество своими открытиями и произведениями, только опираясь на всю ту массу знаний и культурных приобретений, которыми же располагало окружающее их общество и которые были созданы трудами поколений. Ньютоны и Мильтоны из этих данных создают новые синтезы, нечто такое, чего не было прежде и что двигает вперед человеческую культуру. В этом состоит их великая заслуга перед человечеством. Но почву под собой они находят также в общественном сознании. Самый успех свой мировые гении получают лишь в том случае, если окружающее общество заметит и по достоинству оценит их произведения. Иначе гений останется непризнанным и его труды социального значения не получат. Как бывают ложные великие люди, которые не по заслугам получают эту квалификацию от своих современников и затем развенчиваются историей, так бывают и неудавшиеся гении, т. е. сильные творческие личности, которые не подошли к окружающему обществу, не получили почему-либо его признания и не оказали влияния на ход общественных процессов.

Наличность общественного сознания приводит к тому, что во всякой эпохе имеются определенные тенденции, которые проникают разные стороны общественной жизни и которыми окрашиваются различные продукты общественного творчества. Эти тенденции проявляются и в праве и учреждениях, и в религии и культе, и в литературе и изобразительных искусствах, и даже в технике и приемах делового оборота. Они налагают своеобразный отпечаток на всю эпоху, составляют характерные ея черты. Так, мы можем смело утверждать, что XVI столетие было проникнуто религиозными интересами, борьбой католицизма с реформационными движениями и что эта черта эпохи наложила свой отпечаток на всю ея общественную жизнь. С таким же основанием XVIII век называется обыкновенно веком просвещения; для этой эпохи характерна вера в силу человеческого разума и в тот прогресс, который происходит в результате борьбы просвещения с невежеством, заблуждением и обманом. Последующая эпоха обыкновенно характеризуется, как эпоха романтизма. Для нея характерно преклонение перед чувством, перед иррациональным элементом в истории и в жизни отдельных людей, упадок веры в разум и в спасительность создаваемых им простых отвлеченных схем.

Эти господствующие в каждую эпоху тенденции и составляют то, что называется обыкновенно духом времени. Иногда

это явление получает другое наименование. Основатель современной социологии—Огюст Конт—в половине XIX столетия говорил по этому поводу о т. наз. consensus, как об основном законе социальной статики. Современный философ Вильгельм Вундт называет это явление законом исторических соотношений. Как бы его не называть, оно имеет большое значение в общественной жизни и оказывается большим подспорием для историка при изучении минувших эпох. Имея в виду наличность духа времени, историк может на основании тех данных, которыми он располагает относительно известной эпохи, умозаключать и о тех сторонах общественного быта, о которых исторических данных до него не дошло. Так он может предположительно восстановлять то, что некоторые ученые предлагают называть скрытыми фактами общественной жизни. Так, мы знаем, что древнее римское право было проникнуто символизмом и формализмом. Это значит, что все юридические сделки заключались в особо торжественной форме, которая имела символическое значение, в образах выражала известное отвлеченное содержание; при этом соблюдение форм требовалось с очень большою строгостью, так что малейшее упущение в установленном ритуале вело к тому, что вся сделка лишалась юридической силы. Основываясь на этих данных, мы можем предполагать, что встретимся с теми же чертами и в иных областях общественного сознания данной эпохи. И действительно, мы видим, что с тем же формализмом и символизмом мы встречаемся в области религиозного культа и даже в области отвлеченной мысли. Если древнему римлянину нужно было об'яснить предположительно происхождение какого-нибудь непонятного ему названия или обряда, то он не изобретал по этому поводу отвлеченно выраженной гипотезы, как сделал бы современный культурный человек, но сочинял образный рассказ, в котором и передавал свою догадку. Так догадку о том, что некоторые обряды заключения римского брака стоят в связи с давно исчезнувшим умыканием жен, римлянин передавал в форме мифа о похищении Сабинянок, имевшем место будто бы при самом основании города Рима. Ясно, что в такого рода приемах мысли сказывается та же наклонность к образным символам, которая наложила свой отпечаток на древне-римское право и на древне-римский культ.

Однако с понятием духа времени следует обращаться осторожно. Дело в том, что не все области общественной жизни и деятельности бывают в одинаковой степени проникнуты господствующими тенденциями. Эти тенденции обыкновенно встречаются с тенденциями, им противодействующими, и конкретная действительность получается из взаимодействия всех этих факторов. Противодействующие тенденции бывают двух родов: одни из

них обращены к будущему, в них выражается дух последующей эпохи, другие же обращены к прошедшему, в них содержатся отзвуки прошлого. Что касается последующих эпох, то их тенденции обычно складываются под действием того социологического закона, который Вундт предлагает называть законом или принципом исторических контрастов. Состоит этот закон в том, что каждая идея и каждое чувство в историческом развитии сменяются своей противоположностью. Этот закон стоит в связи с законом индивидуальной психологии, который проявляет свое действие в жизни чувств. Наша нервная система устает работать в одном направлении и потому стремится к изменению этого направления в противоположное. Если известное чувство продолжается слишком долго или достигает слишком большой степени напряжения, то мы им утомляемся и пресыщаемся, и оно сменяется своей противоположностью. Всякое наслаждение, если им злоупотреблять, приводит к пресыщению, и его возбудители начинают вызывать отвращение. Такое состояние наступает в случае всякого пресыщения будь то пищей, напитками или какими либо иными удовольствиями. Нечто подобное имеет место и в общественной жизни. Каждая господствующая идея или чувство кончают тем, что изживают себя. Общество, утомившееся деятельностью в этом направлении, обращается к идеям или чувствам противоположным. Это тем более естественно, что ни одна наша идея не бывает ошибочна, ни одно чувство—всеобъемлющим. Поэтому увлечение в одну сторону неизбежно вызывает не только утомление, но и справедливое разочарование; ни идея, ни чувство не дают никогда всего того, чего от них в порыве увлечения ожидали, и общество бросается в другую крайность. Как в физическом мире всякое действие равно противодействию, так в мире общественных отношений всякое течение сменяется противоположным, всякое увлечение вызывает соответственную реакцию. Вот почему исторический процесс получает зигзагообразный характер. Каждая новая эпоха больше похожа не на непосредственно предшествующую, а скорее на ту, которая от нее этой последней отделена.

Контрастные течения появляются не во всех областях жизни в одно и то же время. Бывают такие области, в которых известные тенденции держатся более упорно, тогда как в других новый дух раньше пролагает себе дорогу. Вот почему господствующий дух эпохи не во всех областях жизни проявляется с одинаковой силой. Кое где он еще держится полным хозяином, в других же областях он начал уступать место новым контрастным течениям. Это обстоятельство вносит известную пестроту в нравы, учреждения и продукты деятельности каждой

эпохи. Но эта пестрота усиливается еще и с другой стороны. Как есть области жизни, сравнительно более податливые для новых течений, так имеются и такие, которые оказываются особенно неподатливы для всяких новшеств, и в которые поэтому дух времени не проник совсем или проник не в достаточной степени. Такие области по своему духу также отличаются от всей остальной общественной жизни и представляются в ней как бы обломками прошлого, своего рода островками, куда укрылся дух минувших эпох. Выше было указано, что особенной силой сопротивления отличаются религиозные догматы и обряды. Не малое сопротивление новшествам оказывают и привычные учреждения, с которыми народ сроднился, и которые стали традиционными, освящены силой векового обычая. В таких случаях мы имеем дело с так наз. переживаниями, о которых нам уже приходилось говорить в другой связи.

К этому следует добавить, что не все члены общества в одинаковой степени усваивают себе содержание общественного сознания. Не говоря о том, что среди людей есть натуры более даровитые и восприимчивые, которые способны усвоить себе больший процент содержания знания и чувств, выработанных общественным сознанием, в этом отношении имеет значение и общественное положение людей. Чем более дифференцировано общество, чем сильнее проведен в нем принцип разделения труда, тем различнее оказывается положение в обществе отдельных его членов. Они начинают отличаться друг от друга и по своим занятиям, и по предварительной подготовке, по характеру образования и воспитания, и по образу жизни и уровню его, и по характеру той общественной среды, в которой преимущественно приходится им вращаться. Этим вызывается то обстоятельство, что они не в равной степени и не с одной и той же точки зрения усваивают себе содержание общественного сознания. Не все они в одинаковой мере воспринимают те научные познания, которыми располагает данное общество, и тот запас чувствований, которыми воодушевляется эпоха, в которую они живут. Каждый из них является, так сказать, особым фокусом, в котором своеобразно преломляются лучи, падающие из общественного сознания. У каждого из них слагается свое собственное представление о мире и появляются свои собственные интересы, вызываемые особенностями его классового и личного положения.

Вот почему, не смотря на существование определенного духа времени и определенного содержания общественного сознания, различные члены и классы одного и того же общества могут неодинаково мыслить, поступать и реагировать на одни и те же события. Если общество чем нибудь взволновано, то оно ре-

агирует на возбудитель волнения тем, что называется выражением общественного мнения. Общественное мнение может выражаться не только в теоретических суждениях и в чувствованиях, но и в действиях. Общество действует, напр., когда оно порождает из себя раздраженные и буйные толпы, выражающие свое негодование резкими поступками, или когда оно единодушно голосует за какую нибудь партию на выборах или за какой нибудь лозунг на собраниях или при референдуме. В такого рода действиях проявляется массовый дух толпы или публики, их нельзя анализировать, как действия единичных лиц. В их основе лежит причинность не психологическая, но социологическая. Но общественное мнение далеко не всегда выражается в единодушных поступках. Напротив, часто в обществе наблюдается борьба противоположных тенденций, которая иногда достигает большого напряжения и может дать повод к ожесточенным столкновениям, кончиться даже вооруженными выступлениями, кровопролитием. Такое состояние наступает в результате именно того, что, несмотря на единое содержание общественного сознания, дифференцированное общество распадается на отдельные классы и несходные по своему духовному содержанию и по господствующим интересам личности, которые все оставаясь детьми своего века и своего народа, тем не менее неодинаково реагируют на одни и теже раздражители. Такая борьба мнений и общественных течений также имеет свою аналогию в процессах индивидуальной психологии. Ведь и в психике отдельного человека часто принятию решения предшествует борьба противоположных стремлений и мотивов, борьба подчас очень тяжелая и не всегда кончающаяся благополучно. Иногда после тяжелой внутренней борьбы человек так и оказывается не в состоянии принять определенного решения или же, приняв его и поступив в его духе, затем становится жертвою позднего и безплодного раскаяния или угрызений совести. Так и общества не всегда благополучно выходят из той внутренней борьбы, которая начинается в них благодаря столкновению противоположных мнений и интересов. Иногда общества ослабевают в такой борьбе настолько, что им не удается установить в своей среде порядка и спокойствия. Такое общество легко может стать добычей внешнего врага или же разложиться, захиреть в процессе саморазложения.

Из такого состояния общество может выйти при помощи какого нибудь лозунга, которому удастся до известной степени примирить противоречия и об'единить людей, или же при помощи даровитого вождя, который окажется способным сосредоточить в своих руках достаточную силу для того, чтобы сломить противодействие несогласных элементов и заставить их

подчиниться устанавливаемому им порядку. Но нельзя сказать, чтобы появление таких лозунгов или таких вождей в истории было обеспечено. Утверждать это может только историческая метафизика, которая верит в известный предустановленный план исторического процесса. С точки же зрения положительной науки, появление спасительных идей или деятелей представляет собой непредвидимую историческую случайность. Может сложиться такая счастливая комбинация, но может и не сложиться. Не всякая эпоха находит своего великого человека или великую идею; целые народы могут погибнуть, не дождавшись ни того ни другого.

Глава X. Виды общественных союзов.

Общество, как много раз уже указывалось нами, есть постоянно текучий и меняющийся процесс духовного взаимодействия людей. Поэтому в обществе нет ничего безусловно устойчивого. Изучая общественную жизнь, мы не имеем дела с чем либо подобным твердым телам физического мира, которые могут оставаться неизменными в течение долгого времени. Тем не менее об известной устойчивости можно говорить и применительно к общественным отношениям людей. В обществе развиваются процессы более или менее длительного характера. Кратковременные процессы мы называем общественными течениями. Если общество чем либо возбуждено, в нем начинается такое течение, которое и продолжается, пока действует причина возбуждения. Общественные течения выражаются в выступлениях толпы или публики, в действиях организованных собраний. Но бывают и такие формы человеческого общения, в которых отношения участников в течение более или менее продолжительного срока остаются однохарактерными, получают однообразный уклад. Тогда мы можем говорить о наличности уже не течения, но устойчивого общественного образования или круга, об общественном союзе. Содержание общения между людьми, входящими в такой союз, может меняться; неизменной остается его форма, т.-е. самый процесс взаимодействия, т. сказ. механизм общения, свойственный данному союзу. Такой характер имеет, напр., семейный союз, т.-е. длительное общение родителей и детей, в котором устанавливаются более или менее прочные отношения между людьми, известная их иерархическая зависимость друг от друга, известная власть одних над другими. Другим примером может служить государство, общественный класс и т. п.

Такие устойчивые социальные образования или общественные союзы обыкновенно возникают помимо воли людей, в силу действия социальной закономерности. Потребность вступать в

половое общение приводит к брачному союзу между мужчиной и женщиной. Этот союз может быть очень кратковременным. Но люди привязываются друг к другу и к своему потомству. На этой почве бытие семейных союзов становится все более и более длительным и они получают прочную организацию. Мы видели уже, что и такой союз, как государство, не выдумывается людьми сознательно, не изобретается ими, но возникает, как непредвиденное последствие таких действий, при совершении которых люди вовсе не думали об установлении государственного общежития, напр., в результате успешного набега кочевников на мирное оседлое население. Когда же общественный союз сложился, он может подвергнуться сознательной переработке со стороны людей. Они могут подумать о более правильном его устройстве, о том, чтобы он лучше удовлетворял тем задачам, которым он начал служить. Тогда союз из каузально, самопроизвольно возникшего превращается в финально, целесообразно устроенный человеческим разумом. Такие союзы мы называем организациями. В отличие от них союзы, возникшие самопроизвольно, мы будем называть каузальными или спонтанными.

Каузально возникшие союзы могут быть поделены на две категории, между которыми имеются существенные различия. Одни из них охватывают личность, как конкретное существо, со всеми ее индивидуальными особенностями. Нельзя сказать, что они непременно претендуют на господство над всеми проявлениями жизни своих участников. Но во всяком случае нельзя вперед сказать, чего именно они могут потребовать от своих сочленов, на какие именно проявления их деятельности распространится их власть. Для власти такого общественного союза над его членами могут быть поставлены только отрицательные границы, т.-е. определено, чего именно он не может требовать от своих членов; но ее содержание нельзя исчерпать указанием тех определенных действий, которые он только и может от них требовать. Такой характер имеет тот же семейный союз. Власть родителей над детьми может быть значительно ограничена. В современной семье она значительно уже, чем, напр., в древне-римской, где домовладыка мог судить своих подвластных за преступления и предавать даже смертной казни. Но и в современной семье, где отеческая власть поставлена в сравнительно узкие отрицательные границы, мы не можем исчерпать ее содержания перечнем тех действий, которые только и может отец потребовать от детей в силу принадлежащей ему власти. Эти действия могут быть весьма разнообразными, так как отец руководит воспитанием детей, определяет характер той профессии, которой будут обучаться его малолетние

дети, следит за их поведением и несет за них известную ответственность перед окружающим обществом. Точно также и содержание той власти, которой государство располагает над своими гражданами, не может быть сведено к возможности требовать от граждан тех или иных определенных действий: власть государства над гражданами в благоустроенном государстве также не безгранична, но она во всяком случае простирается не на отдельные стороны общественного бытия людей, а на цельные человеческие личности во всей их конкретности. Такого рода общественные союзы мы предлагаем называть группами.

От групп следует отличать классы. Классом называется такое длительное соединение людей, при котором они соприкасаются между собой только отдельными сторонами своей жизни и деятельности. Поэтому и самый союз не претендует на сколько нибудь неопределенную власть над своими членами. Они интересуют его собой только в строго определенном смысле и за эти пределы власть союза не выходит. Содержание этой власти поэтому может быть вперед исчерпано указанием тех действий или тех сторон деятельности людей, на которые она распространяется. В состав класса личность входит не как конкретное существо во всей полноте своих индивидуальных особенностей, но только известными сторонами своего бытия: личность выступает здесь, как своего рода социологическая абстракция: сама жизнь как бы выделяет из нее ту или другую сторону ее общественного бытия, которой она соприкасается с другими личностями и соединяется с ними в классовый союз. Так, если среди общества, живущего самодовлеющими земледельческими хозяйствами, в которых слабо проведено разделение труда, так что каждое хозяйство изготовляет себе все, в чем нуждаются его члены, появляются люди, которые начинают специально заниматься каким либо ремеслом, напр., кузнечным, или иным делом, напр., торговлей, то, с одной стороны, эти люди по всему образу жизни начинают выделяться из остального общества, с другой же стороны они начинают между собой соприкасаться в той именно степени, в какой для них оказываются одинаковыми их занятия. В этом случае мы можем сказать, что в обществе появляются профессиональные классы: все кузнецы составляют особый класс, поскольку они выступают именно в качестве кузнецов; другой класс составят все купцы. У кузнецов и купцов неизбежно окажется известная общность интересов, которая и сблизит их до известной степени. Но все же класс кузнецов будет интересоваться своими членами лишь постольку, поскольку они выступают именно как кузнецы. До остальных проявлений их жизни и деятельности, напр., до их

семейных отношений, ему может не быть никакого дела. И те требования, которые этот класс начнет предъявлять к своим членам во имя солидарности их профессиональных отношений, будут касаться только их жизни и деятельности, как кузнецов, т.-е. получать строго определенный характер; характер власти союза над своими членами будет определяться не отрицательными границами, но положительными. Кузнец принадлежит к своему профессиональному классу не в качестве конкретной личности во всей полноте ее проявлений, но именно только взятый в качестве кузнеца, как своего рода социологическая абстракция.

Принадлежность к группам и классам входит в сознание людей. Группы и классы оказываются в известных отношениях полезными людям, так как принадлежность к ним лучше обеспечивает их интересы. В семейном союзе дети получают воспитание и образование, родители удовлетворяют своему чувству симпатии и нежности, в старости и болезни получают уход и заботу. Профессиональный класс может силою действием относительно окружающего общества оградить профессиональные интересы своих сочленов. Но в других отношениях эти союзы могут и стеснять жизнь своих сочленов, оказываться для них тягостными и. Семейная власть может казаться некоторым членам семьи слишком мелочной или деспотической, профессиональный класс может вмешиваться в профессиональную деятельность своих участников. Поэтому люди обращают большое внимание на все эти устойчивые союзы, к которым принадлежат. Человеческая мысль над ними работает, критикует тот уклад, который они получают, выростая сами собой, спонтанным процессом, и пытается выработать для них уклады, более отвечающие сознательным человеческим целям, преобразовывать их форму и деятельность сообразно определенному плану. В таком случае группы и классы обращаются из каузально возникающих союзов в финально, целесообразно построенные людьми организации. Такой организацией становится семья, когда ее жизнь урегулирована нормами права или общественных нравов, государство, когда оно выработало для себя определенную конституцию, профессиональный класс, когда он осознал свое бытие и придал себе форму профессионального союза с определенным уставом, определенными органами и задачами.

Люди не ограничиваются простым преобразованием в организации групп и классов, которые выросли помимо их воли, спонтанным социальным процессом. Они начинают и вновь создавать организации, с начала до конца представляющие собой продукт сознательного финального человеческого творчества. Такой характер имеют, напр., торговые и промышленные това-

рищества, которые сознательно учреждаются для преследования определенных целей и иногда получают очень сложную организацию, так что, напр., бытие их становится независимым от смены входящих в них людей; участники товарищества могут постепенно меняться, но организация его остается той же самой и оно само рассматривается в обороте, как отдельная личность со своим особым имуществом. Такой характер имеет акционерная компания; членом ее становится всякий, кто приобретает акцию, т.-е. документ, с которым соединено право участия в компании, право подавать голос в общих собраниях акционеров и получать долю прибылей компании, дивиденд. Но акции свободно продаются на бирже; одни люди их получают и тем самым вступают в компанию, другие продают и тем самым из нее выбывают. Самая же акционерная компания остается той же самой: ее управление определено ее уставом; согласно уставу собираются общие собрания, на них принимаются большинством голосов постановления, выбираются члены правления, которые затем заключают на имя компании и всякого рода договоры, приобретают и отчуждают имущество компании. Это имущество не считается имуществом отдельных акционеров: оно принадлежит всей компании, как социальной организации. Организация эта имеет свою волю, которая вырабатывается указанным социологическим путем, путем постановлений общих собраний и выборов правления, и такой воли вполне достаточно, чтобы выступать в качестве самостоятельного обладателя имущества. Такие участники гражданского оборота в юриспруденции получили название юридических лиц в отличие от лиц физических, каковыми являются отдельные люди, наделенные способностью приобретать права и нести юридические обязанности. Такой же искусственно созданной организацией является любое тайное общество, напр., общество политических заговорщиков или союз контрабандистов. В значительной степени характер искусственной организации имеет армия, т.-е. большое общество людей, которое сознательно устроено так, чтобы все его члены согласно действовали для совместного производства вооруженной борьбы с врагом от имени государства; чтобы армия могла действовать согласно, в ней пытаются создать особый дух взаимной координации действий и настроений всех ее участников, который носит название военной дисциплины.

Все виды общественных союзов находятся между собой в известных соотношениях. Их отношения могут быть мирными или враждебными, между их интересами может намечаться солидарность или антагонизм. В особенности разнообразным видом общественных союзов оказываются общественные классы. В классы люди входят отдельными сторонами своего существа. Поэтому

классы могут быть весьма разнообразны по характеру тех интересов, которыми сближаются и об'единяются их члены. Очень большую роль в обществе играют классы экономические, т.-е. такие, члены которых об'единяются интересами, стоящими в связи с хозяйственной деятельностью, направленной на обеспечение т. наз. материальных потребностей. Но и экономические классы могут быть весьма различны. Можно различать здесь классы производственные, которые покоются на различии ролей, выполняемых людьми в процессе производства: классы рабочих и предпринимателей; но бывают и классы распределительные, основанные на различии источника экономического дохода: получатели заработной платы, земельной ренты, прибыли на капитал; с этими классами далеко не совпадают классы потребительные, покоющиеся на уровне жизни и трат: богатые, люди среднего достатка, бедные, нищие. Классы можно затем делить на профессиональной почве, на основании разделения труда. Так мы получаем, напр., классы промышленные, торговые, сельскохозяйственные. Можно далее различать классы по месту жительства: горожане и сельчане, жители столиц и провинциалы. По степени образованности люди делятся на классы культурные и малокультурные, по участию во власти и управлении государством на господствующие и подчиненные, на управителей и управляемых, на военных и штатских. Можно признать классами даже такие об'единения людей, которые покоются на различии и общности пола и возраста. Можно сказать, что женщины, дети, молодежь являются особыми классами общества. На почве таких классовых делений по полу и возрасту могут даже возникнуть особые классовые организации, каковы женские союзы, союзы молодежи и т. п.

При таком разнообразии классов и взаимные отношения классов могут быть весьма различны. Классы могут быть солидарны в своих интересах, но может существовать между ними антагонизм и даже классовая борьба. То же самое относится и к группам. Можно сказать, что классы по самой своей природе более склонны к борьбе, тогда как группы—к мирному симбиозу. Дело в том, что группы обыкновенно устраиваются так, что они входят одна в другую и отдельное лицо может принадлежать к разным группам только тем путем, что меньшие группы, в состав которых оно входит, сами входят в группы большего об'ема. Так человек, как член семейного союза, тем самым входит в состав сельской или городской общины, к которой принадлежит данная семья, а затем и того государства, к которому относится эта сельская или городская община. Напротив, к классам человек принадлежит только отдельными сторонами своей личности и самые классы не входят друг в друга, но

лежат друг подле друга, координируются, а не подчиняются друг другу. Поэтому человек может сразу принадлежать к различным классам и притом даже довольно свободно комбинировать эту принадлежность. Человек может сразу быть членом профессионального класса, в то же время принадлежать к какому нибудь художественному кружку, быть членом армии, в качестве офицера или рядового запаса, участвовать в союзе молодежи или в женском союзе. Чем подвижнее становится общественная жизнь, тем свободнее начинают люди комбинировать общественные круги, к которым они принадлежат и тем более показательной для каждой личности становится та комбинация этих кругов, которую она для себя создала.

Круги настолько разнообразные, как классы, часто порождают классовый антагонизм. Дело в том, что те интересы, которыми люди об'единяются в классы, могут оказаться противоположными друг другу. Такая противоположность может привести от антагонизма к настоящей борьбе. Классовая борьба играет большую роль в жизни дифференцированных обществ, и некоторые ученые склонны считать ее даже самым главным фактором в эволюции государства. Отдельные общественные классы пред'являют к государственной власти различные требования, сообразно характеру своих интересов. Эти требования часто противоречат друг другу; то,что выгодно предпринимателям, может быть гибельно для рабочих, то, что выгодно для сельских хозяев, может наносить большой ущерб промышленным и торговым классам. Государственной власти приходится искать способов справедливого разграничения этих противоречивых интересов. Найти такой путь иногда бывает очень трудно и даже невозможно. К этому следует прибавить, что сама государственная власть не всегда бывает вполне беспристрастна. Так как от ее содействия и противодействия зависит очень многое в удовлетворении человеческих интересов, то между людьми происходит и борьба за участие во власти, борьба политическая. В результате этой борьбы оказываются классы, ближе стоящие ко власти и получающие возможность воздействовать на нее в духе своих односторонних классовых интересов. Такие классы называются господствующими. Но всецело определить свою политику их интересами государственной власти опасно, так как это может вызвать раздражение других классов общества, которые никогда не бывают совершенно бессильными; а подобное раздражение может повести к опасным волнениям и даже к переворотам в жизни и устройстве государства. Все это заставляет человеческую мысль постоянно работать над поисками такого социального строя, который избавил бы человечество от подобной несправедливой власти и от классовой борьбы и

дал бы людям возможность мирно и без всякого антагонизма работать для удовлетворения своим разнообразным материальным и духовным интересам. Такие цели ставят себе различные политические теории, создающие учения об идеальном общественном строе, о способах проведения в общественную жизнь идеала социальной справедливости, свободы, равенства и братства.

Глава XI. Общественная культура.

Общественная культура состоит в преобразовании общественных отношений согласно человеческим идеалам. Все предыдущие рассуждения должны были убедить нас в том, что общество составляет часть природы, что общественные процессы не случайны; в них проявляется природная закономерность, действующая независимо от человеческой воли. В обществе многое происходит под влиянием географической обстановки, под влиянием биологических свойств составляющих его людей, под влиянием антропологических, половых и расовых различий, под влиянием таких процессов, как рост или уменьшение населения, или таких, как образование устойчивой традиции, не поддающейся изменениям и замыкающей жизнь в рамки старых, неподходящих к новым условиям порядков. Все подобные процессы и условия создаются не человеческой волей и производят последствия, которые часто для людей тягостны и невыносимы. Когда человек страдает от действия сил физического мира, то он пытается воздействовать на физическую природу, преобразовать ее в духе своих потребностей и создает то, что называется материальной культурой. Когда человеку доставляют неприятности и невыгоды некоторые свойства его характера или образовавшиеся у него дурные и вредные привычки, то он также вступает с ними в борьбу и путем создания новых навыков пытается переделать свой характер, а также выработать себе новые более здоровые привычки; так создается духовная культура. Культура общественная состоит в борьбе с теми результатами природной закономерности социальных процессов, которые также не удовлетворяют человеческим нуждам и стремлениям. Нам предстоит рассмотреть, во имя каких целей и какими средствами создается эта последняя культура.

Что касается целей общественной культуры, то они содержатся в т. наз. общественных идеалах. Идеалы эти бывают весьма разнообразны; по поводу их содержания постоянно происходят между людьми оживленные споры и часто дело доходит до ожесточенной борьбы, иногда с оружием в руках. И тем не менее, я позволяю себе утверждать, что разногласия

касаются, главным образом, средств, а не основной цели. Средства могут предлагаться различные и, конечно, вопрос о их выборе имеет огромное практическое значение, так как этим выбором определяются пути непосредственной деятельности. Поэтому и споры о средствах получают чрезвычайно важное практическое значение. Но основная цель всякого общественного и политического преобразования у честных и искренних политических деятелей всегда остается одна и та же. Этой целью во все эпохи и у всех народов является достижение основного идеала социальной справедливости. В качестве руководящей идеи социальная справедливость всегда остается одной и той же. Разница между историческими эпохами состоит в том, что в мало развитой культуре стремление к социальной справедливости действует в виде темной эмоции, недостаточно осознанной и создаваемой просто некоторыми условиями, присущими общественной жизни по самой ее природе. Чем дальше развивается культура, тем сознательнее становится идея социальной справедливости, тем лучше она начинает формулироваться. Споры все больше и больше начинают обращаться не на эту основную истину социального прогресса, но только на наилучшие средства практического осуществления справедливости, реализации основного идеала.

Существо социальной справедливости, как мне кажется, может быть выражено в короткой формуле; она сводится к гармоническому примирению личной свободы и благосостояния с благосостоянием человеческого общества. Такое стремление вытекает, как уже было только что сказано, из некоторых основных свойств человеческого общежития.

Кант сказал, что человек есть существо до известной степени двойственное и противоречивое. Ему присуще то свойство, которое этот философ окрестил именем „ungesellige Geselligkeit". Этим Кенигсбергский мудрец хотел сказать следующее: Человек по природе есть общежительное существо. Вне общества он не может существовать и развиваться. Но в то же время человек представляет из себя особую биологическую единицу с своими личными потребностями и интересами; с течением времени, по мере возрастания культуры, в людях появляются и важные духовные особенности, они вырабатывают себе личные вкусы и воззрения, в которых они могут довольно резко расходиться с вкусами и воззрениями, господствующими в окружающей их общественной среде. Вот отсюда то и возникает „необщественная общественность" человека. С одной стороны человек стремится к общению и дорожит им. С другой же стороны, он отстаивает свое личное бытие и свою свободу и протестует против всяких ограничений. Между тем общество в

котором каждый из нас живет, не может не пред'являть к нам своих требований, которые часто идут в разрез с нашими личными потребностями, интересами, вкусами и воззрениями. Без удовлетворения этих требований общество жить и развиваться не может. Так, если обществу грозит вторжение внешнего врага, то оно призывает своих членов к оружию и заставляет их рисковать даже своей жизнью во имя общественной безопасности. Человеку приходится вступать в борьбу с таким естественным и мощным личным инстинктом, как инстинкт самосохранения, во имя общественного интереса. И такие конфликты в общественной жизни происходят на каждом шагу. Общество вынуждено устанавливать для себя определенный порядок, издавать нормы, которыми требует от своих членов известного поведения, совершения одних действий и воздержания от других. Отдельные личности могут быт несогласны с этими нормами, могут не желать подчиняться их действию, а общественная власть их к этому принуждает, заставляет повиноваться страхом тяжелых наказаний, которые могут доходить даже до смертной казни. Все это создает неизбежный антагонизм между личностью и обществом: личность стремится к свободе, которая дала бы ей возможность беспрепятственно осуществлять свои собственные интересы и устраивать свою жизнь сообразно собственным вкусам и воззрениям. Общество требует, чтобы его члены подчиняли свои личные интересы требованиям общего блага и сообразовали свое поведение не с личными вкусами, а с нормами, установленными или признанными общественной властью. Происходит столкновение личной свободы и общественного принуждения, которое может разрешиться даже открытой борьбой.

Но дело этим не ограничивается. Личности с однородными интересами группируются в общественные классы. Антагонизм личности и общества осложняется антагонизмом общественных классов. Мы уже имели случай говорить о том, что интересы отдельных классов часто не совпадают и даже друг другу противоречат. Капиталисты-предприниматели заинтересованы в том, чтобы заработная плата была возможно ниже; интересы рабочих идут в диаметрально противоположном направлении. Промышленники выигрывают, если на товары, ими изготовляемые, вводятся высокие ввозные пошлины, которые возвышают цены, интересы потребителей только страдают от подобного протекционизма. И такие примеры можно приводить без конца. Справедливость требует, чтобы все эти сталкивающиеся интересы были оценены с точки зрения их соответствия благу всего общества и удовлетворялись только в этих пределах. Если власть общественная в своих распоряжениях руководится интересами

только одного какого-нибудь общественного класса, а не масштабом общего блага, и в жертву этим интересам приносит интересы других классов или общества, взятого в целом, то такая власть квалифицируется, как несправедливая, пристрастная.

Идеал социальной справедливости состоял бы именно в том, чтобы создать в общественной жизни такой порядок, при котором каждая личность получила бы возможность свободно жить по своим вкусам и склонностям, причем, однако, от этого не страдали бы интересы других личностей, и возможно было бы благосостояние всего общества, крепость и процветание общественного союза в целом. Осуществить этот идеал до крайности трудно, и до сих пор он никогда и нигде осуществлен не был. Трудно даже теоретически отыскать правильный путь в борьбе противоположных личных, классовых и общегосударственных интересов. А если такой путь и может быть найден, то трудно найти таких членов общества, которые добровольно согласовали бы свои действия с полученными выводами, и такую власть, которая всецело и вполне искренно стояла бы на защите справедливости и не допускала бы в своих действиях никакого пристрастия и лицеприятия. Для достижения социальной справедливости необходимо воздействие на отдельных людей, для воспитания их в духе этого идеала, и на общественную организацию для создания власти, которая хотела и умела бы быть справедливой.

Как сказано выше, предлагаются разные средства для практической реализации идеала социальной справедливости. Для этой цели создаются системы педагогического воздействия на людей. Средствами воспитания личности можно многого добиться. Чем члены общества будут более проникнуты в своем поведении высокими идеями служения общему благу, чем тверже будет их характер, умение владеть собой и бороться с природными склонностями, которые часто влекут человека к грубо эгоистическому антиобщественному поведению, тем ближе общество будет подходить к желанному порядку. Но наряду с этим должны итти и общественные реформы. Политическая наука много внимания уделяет вопросу о надлежащей организации общественной власти, которая бы заставила ее носителей на самом деле служить общему благу и не приносить его в жертву личным и классовым интересам.

Маркс и его школа говорят о еще более радикальных средствах борьбы с несправедливостью. Полагая, что главное зло заключается в неравномерном распределении богатств, вызываемом с неизбежностью условиями капиталистического производства, социалисты полагают, что социальная справедливость может быть обеспечена только в таком обществе, где прекратится

самая классовая борьба. Такого состояния можно достигнуть путем обобществления средств производства, т. е. путем устранения режима частной собственности на машины, земли, фабрики, инструменты и передачи всего этого капитала в руки государства. При таком условии исчезнет самый класс капиталистов-предпринимателей; государство будет состоять только из рабочих и государству же будут принадлежать орудия труда. Тогда прекратится эксплоатация человека другим человеком, исчезнут источники имущественного неравенства, исчезнут экономические классы предпринимателей и рабочих, находящиеся в неустранимой борьбе между собой, и станет ненужна самая принудительная власть государства. При таких условиях осуществление социальной справедливости не встретит для себя серьезных препятствий. Будущее общество будет организовано не на началах принудительной государственной власти, но на началах свободного сотрудничества свободных личностей, которые будут удовлетворять свои потребности в полной мере, но в то же время не будут друг друга эксплоатировать и вообще друг другу вредить.

Как бы ни смотреть на конкретные способы достижения социальной справедливости, становиться ли на социалистическую или какую нибудь иную почву социального реформаторства, всегда следует помнить об одном необходимом условии успеха всякого общественного преобразования. Это условие состоит в том, что только тот общественный порядок прочен, который имеет под собой достаточно прочные общественные традиции. Для отдельной личности, которая недовольна своим характером, недостаточно принять решение переменить свой нрав и выработать для себя определенные правила жизни. Необходимо принять меры к тому, чтобы эти новые правила жизни осуществлялись на самом деле. А для этого следует выработать соответственные привычки. Если человек этого не сделает, то правила останутся на бумаге, а действительное его поведение будет постоянно с ними расходиться. Чтобы стать культурным человеком, прежде всего необходимо воспитание воли, которое даст возможность приводить свои поступки в соответствие с создаваемыми интеллектом планами.

Совершенно аналогично стоит вопрос и об общественной культуре. Если нам не нравятся общественные порядки и приемы действования известной массы людей, напр., целого народа, то мы должны принять меры к воспитанию надлежащих общественных традиций. Мы должны помнить, что создаваемые нами тексты законов и конституций, собственно говоря, еще не являются реформами общественных отношений. На эти тексты следует смотреть только, как на предварительные планы этих

реформ, на выражение того, что законодатель хотел бы видеть в обществе и получить от него. Для того, чтобы эти планы перешли в жизнь, следует, чтобы общество действительно поступало так, как это предписано в законе. А такой результат наступает только тогда, когда члены общества привыкли сообразовать свои действия с предписаниями закона, когда требуемое законом поведение стало для них привычным, традиционным, сделалось второй натурой для этих людей, приобрело совершенно естественный характер, так что всякое иное поведение представляется ненормальным и недопустимым. Если таких традиций, соответствующих духу закона, не будет создано, то закон не получит действительной силы. Буква закона будет существовать на бумаге, а жизнь пойдет своим чередом. И следует сознаться, что очень много человеческих законов постигает именно эта участь. Масса прекрасных законодательных замыслов осталось в виде мертвой буквы законов. В жизни же наилучше задуманные законы или оставались без практического применения, или же, что еще хуже, в силу известной нам гетерогонии целей, давали результаты прямо противоположные тем, которые от них ожидались. Если общество не сочувствует закону или не умеет согласовать свое поведение с его предписаниями, то оно найдет массу лазеек, чтобы обойти закон или чтобы придать ему такой смысл, при котором он перестанет быть стеснительным для членов общества, но в то же время извратится в своем действии сравнительно с замыслами законодателя. И органы власти, которые обязаны следить за применением закона, суды и администрация, часто помогают публике в таких обходах закона или в таком устранении закона путем искусного его истолкования. Непопулярный закон, с которым публика не хочет согласовать свое поведение, обыкновенно в конце концов перестает отстаиваться теми органами, которые должны следить за его исполнением. Наталкиваясь на постоянное и систематическое стремление подлежащих лиц уклониться от повиновения закону, имея дело иногда с резко выраженными протестами, иногда с ловкими обходами, эти органы обычно кончают тем, что уступают публике и закон оказывается устраненным из практики самой жизнью, хотя бы он продолжал существовать на бумаге. Такими законами переполнены все кодексы.

Чтобы воздействовать на общественные навыки и воспитывать в обществе желательные здоровые традиции, которые приводили бы поведение общества в гармонию с задачами реформаторов, необходимо опираться на данные социальной психологии. Если человек хочет перевоспитать свой характер или характер другого человека, то он должен опираться на те за-

коны природы, которые изучаются индивидуальной психологией. Только зная закономерность духовных процессов, можем мы находить надлежащие пути, чтобы направлять течение духовных процессов в желательную сторону, отучать людей от нежелательных привычек и упражнять в них желательные навыки. Педагогика должна базироваться на психологии. Точно так же, если мы хотим создавать в народных массах надлежащие навыки и подавлять дурные, вредные общественные традиции, то мы должны основываться на естественной закономерности массовых процессов, которая составляет предмет изучения социологической науки. Вне такого изучения не может быть правильно поставленного воспитания народных масс. Рациональная политика есть прикладная социальная психология, точно так же, как рациональная педагогика есть прикладная индивидуальная психология. Современная политика не находится еще на уровне настоящей науки и это об'ясняется тем, что и сама социология, т. е. та чистая наука, которая должна быть основой этого прикладного знания, находится еще в зачаточном состоянии, только недавно начала превращаться в строгую науку. Между тем только на научном базисе можно создать вполне рациональное политическое искусство. В этом заключается правильная сторона мечтаний Сен-Симона и Огюста Конта, которые представляли себе идеальное общество под управлением ученых. В такой форме с этими мечтами едва ли можно согласиться, потому что ученые теоретики по всем свойствам своей психики редко годятся на роли практических политиков. Но здравая идея заключается в том, что только на основах чистой социологической науки возможна рационально построенная политика, как прикладная наука или как практическое искусство.

Мы никогда не одобрили бы поведение того человека, который взялся бы строить какую нибудь машину, не будучи знаком со свойствами материалов, из которых он ее сооружает, и с теми физико-химическими законами, на действии которых будет основана работа будущей машины. О такой затее мы сказали бы, что она заранее обречена на неуспех. Аппарат, построенный невежественным человеком, не только не выполнит своего назначения, но пользование им может быть сопряжено и с большой опасностью: машина, построенная из плохих материалов или по неверным рассчетам, может взорваться и этим взрывом может быть убит сам ее строитель. С такой же осторожностью следует приступать и к делу социального реформаторства. Тот, кто хочет получить в этом деле желательные результаты, должен быть хорошо знаком со свойствами того человеческого материала, который имеется в данном обществе, и с естественной закономерностью тех социальных процессов,

которые придется ему пустить в ход, чтобы вызвать желаемый общественный результат. Только правильный расчет обеспечит наступление этого результата. В общественной жизни чудеса так же невозможны, как и в физико-химическом мире. Как там недостаточно простого повеления или заклинания, чтобы наступило то, чего мы хотим, так и здесь требуется прежде всего знание и умение, чтобы наши реформаторские замыслы успешно осуществлялись.

Глава XII. Метод социологии.

Как бы ни было элементарно изложение какой нибудь науки, в нем будет существенный пробел, если оно не даст никакого понятия о методе этой науки, т. е. о тех приемах исследования, при посредстве которых получаются научные выводы. Вопрос о методе приобретает особенное значение в таких молодых науках, как социология, которые еще не в достаточной степени сформили свои приемы и не располагают большим количеством вполне проверенных и твердо установленных выводов. Социология, как строгая наука, существует очень недавно. Правда, человеческая мысль с весьма древних времен работает над социологическими проблемами, над вопросами о том, что из себя представляет человеческое общество и как протекает его жизнь, но нельзя сказать, чтобы эти исследования велись в той строгой форме, при наличности которой мы можем говорить о существовании настоящей чистой науки. Во первых, долго исследователи рассуждали не об обществе вообще, но только об одном его виде, о государстве. Государство, конечно, является одним из самых интересных видов человеческого общества и изучение его жизни имеет огромную практическую важность, но в то же время оно представляет из себя слишком сложное общественное явление и отличающееся массой специфических особенностей. Изучение государства не может нас ввести в самые основы общественных процессов; для этого следует брать более простые общественные явления. Во вторых, изучая самое государство, видели в нем по преимуществу создание человеческого искусства. К государству подходили, как к произведению человеческого разума, смотрели на него, как на особого рода машину, сооруженную людьми, выводили его появление и его устройство из тех договоров, которые будто бы заключаются между людьми, чтобы извлечь их из изолированного состояния. При таком подходе к делу чрезмерно преувеличивали значение сознательных человеческих планов в общественных процессах и упускали из вида те независящие от воли людей процессы, которые, как мы убедились, играют столь

важную роль в жизни общества. В третьих, в исследованиях, посвященных государству, постоянно переплетались рассуждения о желательном, идеальном состоянии государства с исследованием тех процессов, по которым протекает его жизнь на самом деле. Нормативная точка зрения переплеталась с каузальной, чистая наука смешивалась с прикладной, учение о природе и бытии государства – с политическими построениями. Такое смешение точек зрения всегда вредно отражается на научных исследованиях. Когда мы читаем старых писателей о государстве, то иногда в их изложении даже трудно отличить, когда они говорят о фактической действительности и когда переходят к изображению идеальной и желательной стороны дела. Наконец долго ученые не могли укрепиться в мысли, что в общественных процессах все так же закономерно, как и во всех других процессах природы, что здесь не может быть ничего такого, что не было бы вызвано действием совершенно необходимых причин, которые всегда действуют в одном и том же направлении. Преувеличивалась роль, которую в социальных процессах играет т. наз. свободная воля людей и случай. Потребовалось много усилий мысли для того, чтобы ученые убедились в том, что социальная действительность столь же закономерна, как и всякая другая сторона природы, а затем необходимо было выяснить и особый характер закономерности общественных процессов. Выдвинулась важная проблема, вполне ли одинакова та причинность, с действием которой мы встречаемся в мире физико-химических явлений, и та, действию которой подлежат явления духовной и социальной жизни. Эти вопросы и в наше время не получили еще окончательного решения; получаемые выводы не нашли себе еще общего признания.

Только постепенно изучение общественных процессов отрешалось от всех этих недостатков. Расширялся материал, привлекаемый к изучению; от государства стали переходить к изучению других видов общественных союзов; начали интересоваться и кратковременными общественными течениями, процессами толпы и публики. Отрешались от нормативной точки зрения и начинали разграничивать идеальные политические построения от каузального научного исследования фактов действительности. Приучились смотреть на общество и на общественные отношения не как на искусственное создание человеческого разума и свободной воли людей, но как на закономерные явления природы. Все глубже и глубже проникали в познание тех различий, которые существуют между явлениями физико-химического духа и духовно-социальными процессами. Так появилась особая наука об обществе и закономерности общественных процессов. Наиболее видную роль в создании этой науки сыграл Аристо-

тель (384—322 до Р. Х.), араб Ибн-Халдун (1332—1406), итальянец Вико (1668—1744), французы Монтескье (1689—1755), Тюрго (1727—1781). Сен-Симон (1760—1825) и Огюст Конт (1798—1857). Имя „социологии" эта наука получила от Огюста Конта, в конце 30-х годов XIX ст.; самое название филологически не особенно удачно, так как первая часть сложного слова „социология" взята с латинского языка, а вторая – с греческого. Но это название укрепилось на практике и я не вижу серьезных оснований для замены привычного уже термина каким либо иным. Но и в наше время социологическая наука еще не стала на прочные основания. Признаком этого служит уже то обстоятельство, что современные социологи до сих пор разногласят о самых основных взглядах на природу общества и потому распадаются на целый ряд принципиально несогласных друг с другом направлений. Механистическая школа в социологии (Спенсер, Де Греф) пытается построить учение об обществе на принципах механики; представители этого направления убеждены, что нет существенного различия между той причинностью, которая действует в мире физико-химическом и в мире общественных отношений. Географическая социология (Ратцель, Демолен) пытается представить общественный процесс, как результат влияния той внешней среды, в которой протекает жизнь общества. Целый ряд социологов стремится поставить науку об обществе на антропологические основания и главной базой социологии считают учение о человеческих расах и о происходящей между ними борьбе (Гобино, Гумплович). Биологическая социология (Лилиенфельд, Шеффле) исходит в своих построениях из аналогии между обществом и сложным многоклеточным живым организмом. Психологическая социология (Тард, Норд, Болдвин) пытается вывести социальные законы из суммирования данных индивидуальной психологии. Ее представители сбиваются на представление об обществе, как о простой сумме отдельных людей, недостаточное внимание обращают на особые свойства, присущие духовной жизни целых масс людей. Экономическая социология (Маркс, Энгельс, Ле Плэ) полагает в основу общественной жизни процессы деятельности, направленные на удовлетворение материальных потребностей, а все остальные общественные процессы считает находящимися в односторонней зависимости от экономических явлений. Этическая социология (Лавров, Михайловский, Кидд) продолжает вносить в общественные исследования нормативные, оценочные элементы. Но целый ряд видных социологов нашего времени (Дюркгейм, Зиммел, Вормс) стоит на почве защиты полной самостоятельности социологической науки и ищут для нее особых методов, в которых социология была бы вполне независима от других отраслей

научного знания. Рядом с этими направлениями встречается в науке до сих пор и полное отрицание социологии, как самостоятельной научной дисциплины.

Как показало нам все предыдущее изложение, социология принадлежит к числу обобщающих наук. Задача ее не состоит, подобно задаче, напр., истории, в изучении конкретных событий действительности во всей их сложности и со всеми особенностями. Социология должна вскрыть для нас ту общую закономерность, которая проявляется в общественной жизни, формулировать те законы природы, которым подлежит ход общественных процессов. Законом природы в этом случае, как и во всех других, мы называем такую научную формулу, в которой выражается правильная и необходимая связь логически расчлененных нашею мыслью фактов. Закон природы всегда отличается всеобщностью и неизменностью. В действии закона не может быть никаких исключений; законы природы всегда остаются одними и теми же и не меняются с течением времени. От законов следует отличать т. наз. типы. Типом мы называем менее широкое обобщение, чем закон. Тип получается при сопоставлении сходных друг с другом явлений путем отвлечения из них общих всем им черт и комбинирования этих черт в одно логическое целое. Так, изучая процессы феодализации государственной власти, происходившие в разных странах в разное время, мы можем построить общий тип феодального государства. Тип отличается тем, что он целиком представляет собой создание нашей мысли. В действительной жизни мы чистых типов не найдем. Явления, которые будут нам в ней встречаться, будут либо сложнее созданных нами типов, так как помимо типических черт будут включать в себя и свои индивидуальные признаки, либо, в некоторых отношениях, проще типов, так как могут не содержать в себе таких черт, которые мы сочли необходимым включить в построяемый нами тип. Тем не менее построение типов полезно в научном отношении, потому что оно помогает нам разобраться в чрезмерно сложной окружающей действительности. Напр., если бы мы захотели познакомиться с современными государствами в разных их видах, то несистематическое изучение современной политической действительности во всей ее сложности представляло бы из себя очень громоздкий и не особенно подходящий для наших целей путь. Гораздо более верными шагами идем мы к намеченной цели, если мы построим несколько основных типов государственного устройства и затем, расположив отдельные конкретные государства по этим типам, отметим в то же время и те конкретные особенности, которыми они отличаются. Так поступает всякая классифицирующая или систематизирующая наука. Типами за-

нимается описательная минералогия, зоология, ботаника. Изучение человеческих типов составляет предмет науки о характерах. В области социологии следует отличать основную социологию, как учение о законах общественной жизни, от социальной типологии, как учения о типических общественных образованиях и процессах. Предметом социальной типологии является построение предположительной картины первобытного человеческого общества, которое лежит в основе всего дальнейшего общественного развития, типической картины развития семейных и хозяйственных организаций, образования политической и государственной власти, эволюции государственных форм и отдельных сторон общественной культуры. Подобного рода исследования занимают много места в современной социологической литературе.

Метод, которым работает социология, по существу одинаков с методом всякой обобщающей науки. Мы получаем общие выводы либо дедуктивным, либо индуктивным путем. Дедукцией мы занимаемся, когда отправляемся от общих положений и путем логического их анализа получаем дальнейшие выводы. Индукцией мы занимаемся, когда восходим от частного к общему, когда на основании анализа отдельных случаев мы делаем заключение о тех процессах, которые должны происходить всегда и везде, в виде общих правил, не допускающих исключений. Подобные индуктивные обобщения мы позволяем себе делать на том основании, что убеждены в общей закономерности явлений природы. Поэтому, если мы заметили определенную связь самостоятельных фактов в одном случае, мы имеем основания ожидать повторения этой связи и во всех подобных случаях. Как с пользованием дедукцией, так и с применением индукции связаны специфические опасности. Дедуктивное построение может нам дать выводы, логически правильные, но не отвечающие действительности. Это бывает в том случае, если положение, сделанное основанием дедуктивного рассуждения, было не совсем правильным. Неправильность обыкновенно состоит в том, что создаваемые нами общие положения чрезмерно упрощают и схематизируют сложную действительность, которая целиком в них не укладывается; поэтому логические выводы, делаемые из анализа таких положений, не вполне оправдываются фактами, нуждаются в ограничениях и дополнениях. Что же касается индукции, то ее опасность состоит в том, что при помощи этого метода мы постоянно рискуем сделать слишком поспешные обобщения, возвести на степень закона ту связь явлений, которая наблюдается только в единичных случаях или же, самое большее, имеет типический характер. Тип же тем отличается от закона, что, в то время, как закон действует не-

изменно и не допускает никаких исключений, тип по самому своему понятию предполагает исключения и отступления. Типы получаются благодаря тому, что в жизни встречаются повторения однородных причинных узлов; однородные комбинации причинных рядов порождают сходные результаты, которыми мы и пользуемся для выведения типов. Но в действительности события никогда под схему построенного нами типа не подходят: в причинный узел могут замешаться такие лишние обстоятельства, которые не были включены нами в построенный тип, и тогда действительность окажется сложнее типической картины, или же, наоборот, из действительного явления могут выпасть некоторые черты, включенные нами в типическую картину, и тогда действительность окажется проще типа.

Иногда мы в научном исследовании отправляемся от такого общего положения, которое заведомо является недоказанным и только принимается нами на веру. Мы хотим при этом сделать из этого положения все возможные логические выводы и затем проверить, подтверждаются ли они фактами. Такое положение называется рабочей гипотезой. Если оно подтвердится изучением фактов, то обращается в научно доказанную теорию; если же факты его не подтвердят, то гипотеза должна быть отброшена и заменена новой.

Обыкновенно в науке приходится действовать сочетанием дедуктивного и индуктивного методов исследования. Путем индукции мы добываем общие положения, выведенные из рассмотрения отдельных фактов. Затем мы берем эти индуктивные обобщения в качестве оснований дедуктивного рассуждения, делаем из них возможные логические выводы и смотрим, оправдаются ли они на изучении отдельных фактов действительности. Таким образом, восхождение от частного к общему постоянно сменяется обратным путем от общего к частному. Индукция проверяется дедукцией, дедуктивно полученные выводы получают проверку на изучении отдельных фактов действительности.

Во всяком случае наука лишь тогда стоит на прочных основаниях, когда она располагает достаточным запасом фактического материала, собранного, проверенного и систематизированного. Если строить научные выводы без такого фактического фундамента, то мы рискуем простые логические возможности принимать за выражение научных законов. Слабость современной социологии состоит главным образом в том, что она еще не располагает для своих обобщений таким фактическим фундаментом в достаточной степени. Социологические факты должны получаться из разных источников. Во первых, их должна давать социологу историческая наука. Историки изучают те источники, из которых мы можем почерпнуть сведения о минувших собы-

тиях в общественной жизни людей, подвергают строгой критике показания этих источников и полученные результаты передают в форме проверенного рассказа об исторических событиях. Социолог берет из рук историка этот проверенный материал фактов и путем применения историко-сравнительного метода должен пытаться извлечь из него возможные социологические обобщения. Далее, ценный материал для социолога представляют этнографические данные, т. е. результаты наблюдений над бытом различных современных народов, особенно тех из них, которые стоят на низкой ступени развития. Жизнь таких народов может нас до известной степени ввести в жизнь тех первобытных людей, от которых отправилось все общественное развитие. Но, конечно, и здесь следует остерегаться поспешных обобщений; следует понять, что современные дикари, как бы они ни были грубы, имеют уже за собой вековое существование, что многие из них прежде стояли на более высокой ступени развития и потом сошли с нее в силу каких нибудь исторических причин, что они принадлежат, быть может, просто к менее даровитым по природе разновидностям человеческого рода и потому уже не могут быть приравнены к первобытным людям, положившим начало всей общественной культуре. Наконец, социолог должен производить и непосредственные наблюдения над фактами социальной действительности. Эти наблюдения могут совершаться или в форме простого присутствования при общественных процессах; так можно наблюдать, напр., психологию толпы или собраний; или же они собираются путем опроса лиц, переживавших известные события или близко к ним стоявших. Такое назначение имеют разного рода анкеты, опросные листы, которые должны быть составляемы с должным искусством, чтобы дать в распоряжение социолога достаточно определенный и надежный по своему характеру материал. Чтобы собирать факты такого рода в достаточном количестве, необходимо создать такие учреждения и институты, где бы вся эта работа собирания и предварительной систематизации фактического материала совершалась коллективными усилиями целых групп подготовленных сотрудников, работающих по определенному плану. Такие социологические лаборатории в наше время еще только зарождаются, но от их успеха зависит в значительной степени вся будущность социологической науки.

Часто обобщающие науки пользуются экспериментом, т. е., ученые искусственно создают для себя такие случаи, над которыми они затем наблюдают для получения научных обобщений. Напр., чтобы проследить значение атмосферного воздуха для жизни, исследователь помещает живое существо под колпак воздушного насоса. Эксперимент является очень ценным при-

емом научного исследования, так как дает возможность повторять в любом количестве изучаемые факты, произвольно упрощать или усложнять их обстановку. К сожалению, в социологии эксперимент мало применим. Мы не можем производить экспериментов над целыми народами как потому, что такие эксперименты были бы слишком жестокими и опасными для массы людей, так и потому, что общественные процессы слишком сложны для того, чтобы можно было правильно ставить эксперименты в таком большом масштабе. Но в более скромной форме социологический эксперимент возможен. Мы можем, напр., производить опыты над собраниями людей, изучая воздействие на толпу того или иного ораторского приема и т. п. Опыты в этом направлении также еще только начинаются и разработанной теории социологического эксперимента еще не существует.

Литературные указания.

Для **первоначального** ознакомления с **социологией** могут быть указаны следующие пособия на русском языке:

Кареев, Введение в изучение социологии.

Кареев, Историология (теория исторического процесса).

Мак Даугол, Основные проблемы социальной психологии.

Эспинас, Социальная жизнь животных.

Гидингс, Основания социологии.

Тард, Общественное мнение и толпа.

Лебон, Психология народов и масс.

Михайловский, Герои и толпа.

Дюркгейм, О разделении общественного труда.

Зиммель, Социальная дифференциация.

Сутерланд, Происхождение и развитие нравственного инстинкта.

Дюркгейм, Метод социологии.

Воззрения **автора настоящего очерка** более подробно обоснованы в следующих книгах:

Хвостов, Теория исторического процесса, изд. 3-е 1919 г.

Хвостов, Нравственная личность и общество.

По **истории социологических учений:**

Хвостов, Социология. Введение. Ч. I. Исторический очерк учений об обществе.

Барт, Философия истории, как социология.

Ковалевский, Современные социологи.

Переводы нескольких избранных **сочинений классиков** социологии даны в издании:

Родоначальники позитивизма, изд. Брокгауз-Ефрон, вып. I—V. (Кант, Тюрго, Д'Аламбер, Сен-Симон, Конт).

По **социальной типологии:**

Максимов, Что сделано по истории семьи?

Липперт, История семьи.

Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства.

Танон, Эволюция права и общественное сознание.

Липперт, История культуры.

Кареев, Типологические курсы по истории государственного быта. I. Государство—город античного мира. II. Монархии древнего востока и греко-римского мира. III. Поместье—государство и сословная монархия средних веков. IV. Западно-европейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. V. Происхождение современного народно-правового государства.